

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Воровской дозор

Воровской эндшпиль

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
Воровской дозор

«ЭКСМО»

2015

Сухов Е. Е.

Воровской дозор / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2015 — (Воровской эндшпиль)

ISBN 978-5-699-79742-4

Виртуозный карточный шулер Потап Феоктистов обыгрывает очередного «клиента» и получает в счет долга подлинную картину Рембрандта. Преступник берет в руки бесценное полотно и мгновенно и навсегда заражается страстью к коллекционированию. Всю дальнейшую жизнь Потап посвящает собирательству и через тридцать лет становится обладателем одной из самых дорогих коллекций в мире. Он богат и счастлив. Но однажды жизнь Потапа рушится. Неизвестные взламывают его хранилище и выносят самые ценные экспонаты. К поискам шедевров подключаются МУР и Интерпол, но и сам Потап не сидит на месте. Он летит в Лондон в надежде обнаружить свои картины в местных аукционных домах. В британской столице его уже ждут. Ждут, чтобы убить...

ISBN 978-5-699-79742-4

© Сухов Е. Е., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Сухов

Воровской дозор

© Сухов Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Двадцать пять лет назад, или Следственный изолятор

Первое, что ощутил Потап Феоктистов, перешагнув порог следственного изолятора, – это тяжесть в коленях, потом пришла спасительная мысль: «Я здесь ненадолго! В ближайшие часы во всем разберутся, и меня отпустят». Его повели по длинному коридору, в котором гулкое эхо отсчитывало каждый пройденный шаг; свернули налево, где в затемненном тупичке уперлись в мрачную металлическую дверь, за которой раздавались приглушенные голоса. Звонко лязнул замок, и Потап прошел в камеру, слегка согнувшись под грузом многих взглядов. За спиной, подводя черту под прошлое, раздался грохот закрываемой двери.

– Как звать? – вышел из толпы худенький молодой мужчина лет тридцати с передними золотыми зубами.

– Потап.

– Первоходок?

– Да.

– Я – «смотрящий» хаты, «погоняло» Кузьма. В общем, так, народу нас здесь много, спим в три смены. Пока можешь присесть вон на ту шконку... – показал он взглядом на свободное место. – А там по ходу все растолкую. Ну, чего стоишь, входи! Ты здесь уже не гость.

Долгожданное освобождение затягивалось. Сначала прошел один месяц, за ним тягуче потянулся другой. О его существовании позабыли. Через полгода камера обновилась полностью, и Потап, вместе с Кузьмой, сделался старожилом хаты.

В этот же день, ближе к обеду, вместе с тремя заключенными в камеру вошел невысокий седой худощавый мужичок. Его большая голова с оттопыренными ушами, державшаяся на тонкой, будто спичка, шее, выглядела несуразной. Серое неприятное лицо покрывали застарелые рубцы от шрамов и оспяных болячек. Он перешагнул порог последним, громко поздоровавшись со всеми сразу, ненадолго задержался у входа, словно остерегаясь какой-то серьезной неприятности, и, убедившись в отсутствии таковой, уверенно шагнул вперед.

В камере, признав в нем старшего, заметно притихли.

– Я за вора, – твердо проговорил седой, – «погоняло» Елисеич.

Глава 2

Ограбление, или Разбитая ваза

Толокнов Андрей Васильевич, главный редактор журнала «Мир искусства», щелкнул мышкой и уперся взглядом в появившееся изображение. С монитора на него смотрело крупное лицо пятидесятилетнего мужчины с тонкими седеющими усиками на широкой губе. Волосы черные, с редкой проседью, делавшие его заметно моложавее, в правом уголке рта застыла снисходительная усмешка. У него была весьма располагающая внешность, какая встречается у потомственных интеллигентов. С такой внешностью можно возглавлять какую-нибудь частную клинику, работать в областной администрации, заведовать кафедрой престижного вуза. Странность заключалась в том, что за плечами у этого человека – восемь лет строгого режима, но представить его в арестантской робе среди фиксатых заключенных с наколками по всему телу было невозможно.

Он считался одним из известнейших коллекционеров итальянской и фламандской школы живописи, чье собрание было внесено едва ли не во все значительные каталоги мира. Звали этого человека Феоктистов Потап Викторович. В кругу коллекционеров его давно называли легендой, что никак не проявлялось внешне: держался он сдержанно и весьма скромно.

Месяц назад Андрей Васильевич стал свидетелем того, как заезжий американец пытался купить у Феоктистова три миниатюры фламандской живописи, но он отказался от предложенных денег, на которые можно было бы выстроить целый дворец. В этом отказе имелась своя сермяжная правда – зачем человеку царские хоромы, когда он долгие годы привык довольствоваться самым малым: узкой шконкой и пайкой от хозяина.

Еще Феоктистова отличала какая-то врожденная интеллигентность, весьма заметная при тесном общении. Он напоминал аристократа давно ушедшей эпохи. Мягкость интонаций тут ни при чем, хотя присутствовало и это, просто Потап Викторович при тесном общении превращался в весьма милого и остроумного собеседника, какие редко встречаются в повседневной жизни. Он обладал большим кругозором, прекрасно разбирался в истории и даже писал какие-то научные статьи о Наполеоне и Бисмарке.

Но сейчас, вчитываясь в раскрытый файл и переворачивая одну страницу за другой, главный редактор все более поражался масштабу личности Феоктистова. О нем вздох писали едва ли не все крупные европейские издания, занимающиеся искусством и живописью. Его неизменно запечатлевали на фоне собранных раритетных картин, называя крупнейшим коллекционером современности (собственно, так оно и было в действительности). Одно из изданий, сумевшее копнуть его биографию поглубже, иллюстрировало статью двумя фотографиями тридцатилетней давности, где Феоктистов был заснят анфас и в профиль, как обычно делают в пениитарных учреждениях, на фоне грубоватой линейки, нарисованной прямо на стене тюремной камеры.

Автор статьи был известный российский журналист, прекрасно разбирающийся в криминальной тематике. Умело жонглируя словами, как иной артист цирка полыхающими факелами, он, не опасаясь обжечься, вставлял воровскую «феню» в грамотный текст, отчего статья получала еще большую достоверность и выигрывала в наглядных образах. Выяснялось, что за годы строгого режима Феоктистова не удалось сломать (хотя желающих было предостаточно): он неделями сиживал в карцере, простужал почки, терял в драках зубы, а однажды на одной из пересылок заполучил подлый удар в спину заточкой, после которого едва выжил. А на поселении, куда он был отправлен незадолго до своего освобождения, выиграл в карты голландскую миниатюру, положившую начало его коллекции.

В «Таймсе» Феоктистову был посвящен целый разворот, и журналист, специализировавшийся по искусству, вздохнул и рассказал о его знаменитой коллекции, не забыв упомянуть о восьмилетнем заключении в Нижнем Тагиле. Однако из всего прочитанного оставалось совершенно непонятным, каким образом вчерашний каторжанин через несколько лет превратится в весьма влиятельного коллекционера. И самое главное – откуда он брал деньги на свое дорогостоящее хобби. Ведь не кистенем же добывал их на раритеты!

Потап Феоктистов слыл весьма любопытной личностью, и корреспонденты по крохам добывали информацию о его частной жизни. Последний раз он давал интервью шесть лет назад какому-то провинциальному репортеру, где в коротком разговоре поведал о тюремном сроке, добавив, что судимость давно погашена. Но вопросов к Феоктистову оставалось немало, и журналисты, не стесняясь быть непонятыми, выводили о нем крупинки правды у соседей и немногочисленных приятелей.

Не рассчитывая на успех, Толокнов позвонил Потапу Викторовичу в надежде взять у него обстоятельнейшее интервью и был несказанно рад, когда тот ответил согласием.

– Знаете, я ведь являюсь одним из самых верных подписчиков вашего журнала, – мягким голосом произнес Феоктистов, – и буду весьма рад с вами пообщаться.

– Когда вы сможете? – едва сдерживая нетерпение, спросил Андрей Васильевич. – Может, завтра?

– Давайте послезавтра, Надя, это моя жена, как раз поедет на дачу, и я буду предоставлен сам себе.

– Где мы проведем интервью: у вас или в редакции?

– Давайте лучше в редакции, – после некоторой заминки решил Феоктистов.

– Как вам будет удобнее... Может, за вами прислать машину?

– Не нужно, я доберусь сам.

На том и сговорились.

От встречи с Феоктистовым Андрей Васильевич ожидал многого, самое главное, ему хотелось прояснить некоторые белые пятна в его биографии, которые наверняка будут небезынтересны читателям, именно тогда они в полной мере смогут оценить масштаб его личности. Главный редактор волновался перед предстоящей беседой, как школьница перед первым свиданием.

Он еще раз внимательно всмотрелся в фотографию молодого Феоктистова. Пожалуй, человек с таким взглядом может разломать тяжелую табуретку о голову неуступчивого оппонента. Вот только взгляд его с годами становился все более мягким, пока, наконец, не расплавился совсем, превратив его в эдакого понимающего добродушного мужичка. Но ясно одно – в местах заключения спуску он никому не давал и, уж тем более, никого не боялся. Оставался таковым и по сей день: у волка могут выпасть зубы, может облезть шерсть, но вот характер останется прежним.

Андрей Васильевич нервно посмотрел на часы. Феоктистов опаздывал уже на пятнадцать минут, а ведь все единодушно уверяли, что тот славится своей невероятной пунктуальностью. Очевидно, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы он задержался.

Не изменяя заведенной привычке, Потап Викторович проснулся ровно в полседьмого утра, причем ему не нужно было заводить будильник, он всегда просыпался в одно и то же время – где-то в коре головного мозга были встроены биологические часы, заставлявшие открывать глаза с ударом минутной стрелки. Даже если бы он захотел снова уснуть, у него вряд ли бы получилось, а потому не стоило терзать себя бессмысленными попытками забыться, следовало подниматься.

Феоктистов открыл глаза с тревожным ощущением. Оно возникало всегда, когда судьба вдруг совершала непредсказуемый поворот. Возможно, щемящее чувство появилось оттого, что сегодня ему предстояла встреча с главным редактором «Мира искусства».

К предстоящему событию следовало подготовиться: Потап Викторович тщательно побрился, надушился дорогим парфюмом и облачился в лучший костюм. В праздном облачении подарки судьбы воспринимаются еще ярче, а ее удары выглядят менее ощутимыми. Главный редактор Толокнов намеревался взять у него подробнейшее интервью о его непростой (как он выразился) жизни, включая тот период, когда пришлось гнуть спину на «барина» в колонии. Толокнов даже прислал предварительный вопросник, где полюбопытствовал о финансовых источниках его коллекции. А также интересовался, с каких именно картин началось его знаменитое собрание фламандской живописи.

Потап Викторович невольно улыбнулся: «Чудак-человек, неужели он всерьез рассчитывает услышать правду?» Ему, как никому другому, должно быть известно, что столь значительные коллекции не собираются праведным путем, чаще всего это происходит через открытый криминал, и чем значительнее произведения, тем крупнее преступление. Весь вопрос состоит лишь в том, сколько при этом крови налипло на костюм коллекционера.

Пожалуй, серьезным собирателем он стал в тот момент, когда ему предложили картину Лукаса Кранаха Старшего «Венера и Купидон», и Феоктистов, не раздумывая, отдал за нее большие деньги. Накатившие воспоминания заставили его подойти к огромному, в два метра высотой, полотну. На нем была запечатлена зрелая обнаженная длинноногая женщина с каштановыми волосами, тонкими ручейками спадавшими на ее высокую грудь. Позади нее стоял золотокудрый мальчуган, готовый выпустить заточенную стрелу куда-то прямо перед собой, вот только женщина, еще не готовая к любви, слегка придерживала его правой рукой.

Феоктистов невольно залюбовался ее зрелым совершенным телом. Всем своим обликом богиня напоминала ему женщину, с которой он был некогда близок, правда, это было очень давно, еще до Надежды, и он ни разу не проговорился о своей давней возлюбленной. Но супруга, кажется, догадывалась о его особенных чувствах к картине и относилась к ней с неприязнью, не иначе как ревновала мужа к увядающему прошлому.

Сейчас Надя находилась на даче. В какой-то момент ее привязанность, которой он тяготился долгие годы, вдруг переориентировалась на цветы, и Потап Викторович, получив значительное личное пространство, большую часть своего времени посвящал походам по антикварным магазинам и выставкам, где подбирал кое-что интересное и для себя.

Феоктистов был из той редкой породы людей, которым в жизни доставалось все самое лучшее. Если влюблялся, так непременно в первых красавиц, умевших блистать и завоевывать всеобщее внимание (надо отдать судьбе должное, женщины отвечали ему взаимностью). Если он чем-то занимался, то стремился в своем деле достичь потолка (иначе не стоило и заниматься). Свою первую криминальную профессию – карточный шулер – он оставил, осознав в какой-то момент, что добрался едва ли не до самой вершины, откуда уже некуда было расти. Именно в этот момент ему подвернулся его величество случай: один из клиентов вместо денег поставил на банк небольшую картину фламандских живописцев (как выяснилось впоследствии, оказавшейся полотном Рембрандта «Ночная стража»). Выиграв картину, Потап всерьез заинтересовался живописью и вот уже более тридцати лет не мог остановиться. Так что и в коллекционировании он предпочитал взбираться на «восьмитысячники», собирая исключительно лучшее. Венцом его коллекции были полотна Рубенса, Антониса ван Дейка, Лукаса Старшего. Собирал он и иконы, предпочитая раннее средневековье. Одна из икон – «Умиление», значившаяся в списках под четвертым номером, приписывалась евангелисту Луке. Восемь похожих икон находилось в Риме, еще двадцать в музеях и частных коллекциях в Европе. Интересно, какую сумму выложил бы ему Ватикан, если бы однажды он захотел ее продать?

Постояв немного перед иконой, где Божия Матерь прижимает к груди младенца, и, попросив у святыни прощения за крамольные мысли, Феоктистов подошел к зеркалу и невольно поморщился – новый костюм ему не нравился. Сняв с себя пиджак, он набросил старый, привычный. С возрастом Потап Викторович обнаружил в себе некоторую странность:

он срстался со старыми вещами, будто бы с кожей, а потому избавлялся от них лишь в том случае (и то по настоянию Надежды), когда обнаруживались изрядные потертости. Не вмешайся супружница в его гардероб, так и носил бы каждую из рубаш до тех пор, пока материя не стала бы расплзаться от ветхости на куски. Такую привязанность понять мог только он сам.

С каждой из вещей у Феоктистова связаны собственные воспоминания. В сером костюме, который он проносил без малого девять лет, были приобретены две иконы Рублева. В черных штанах, слегка заштопанных на коленях, он раздобыл автопортрет Дюрера, отдав за него (можно сказать, чисто символическую сумму) каких-то двадцать тысяч долларов. И такие штаны в мусорный бак? Да ни за что на свете! Но особо любимой была его черная рубашка, подаренная женой лет пятнадцать назад. Именно в ней он приобрел значительную часть своей коллекции, куда входили два полотна Сандро Боттичелли и одно Франческо Мельци. Месяц назад замечательная рубашка порвалась сразу в двух местах: у накладного кармана пошла по швам, а на левом локте протерлись нитки. Спасти рубашку могла только тотальная реставрация, но против этого решительно запротестовала жена, заявив: «Чего смешить людей! Только через мой труп!» Убивать ее, естественно, не хотелось, кроме того, в ее словах присутствовала сермяжная правда: выглядеть он будет нелепо, если где-то в гостях придется скинуть пиджак. Единственное, что он сумел отвоевать, – это небольшой кусочек материи от своей любимой рубашки, и теперь складывал его во внутренний карман пиджака «на удачу» перед важными сделками или встречами.

Сегодняшний день был именно таковым. Достав из яшмовой шкатулки черную тряпицу, аккуратно прошитую по сторонам суровыми нитками, Потап Викторович вчетверо свернул ее и положил во внутренний карман. Затем поднял трубку телефона, позвонил в ВОХР, чтобы поставить квартиру на охрану, и, дождавшись короткого подтверждения, вдавил белую кнопку на тумблере. Вот теперь самое время уходить.

Открыв ключом внутреннюю дверь, немного повозился с наружной, распахнул ее и вошел в прохладный широкий подъезд. Захлопнуть двери Феоктистов не успел: неожиданно с верхней площадки спустился незнакомый мужчина в спортивном костюме и ударил его кулаком в лицо. Уже падая, Потап Викторович услышал, как, громко протопав тяжелыми ботинками, подскочил второй. Неизвестные подхватили его под руки и, уже обмякшего, теряющего сознание, втащили в квартиру. Глухо захлопнулась за спиной входная дверь. Очнулся Потап Викторович оттого, что кто-то методично наносил удары по его телу. А когда приоткрыл глаза, ему на голову натянули холщовый мешок, дохнувший в лицо какой-то гнилью, после чего за спиной крепко стянули руки.

Неприятный голос зашепелявил у самого лица:

– Какое кодовое слово?! Говори, падла, пока не завалили!

– Какое еще слово? – едва пришел в себя Потап Викторович.

– То самое, от охранной системы! Говори, если сдохнуть не хочешь!

Следовало потянуть время. Если он не позвонит в ВОХР в течение пяти минут, оставив систему охраны разблокированной, то уже через десять в квартиру ворвется вооруженная полиция!

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – продолжал тянуть время Феоктистов, вдыхая колючую пыль.

И в тот же миг ощутил сильнейший удар в грудь. Грабители надавили на плечи, прижав голову к полу. Горло захлестнул острый шнур, не давая возможности вдохнуть и забирая из легких последние остатки воздуха.

– Послушай, у меня нет времени вести с тобой беседы, – вмешался другой голос, с заметной хрипотцой. – Если не скажешь через тридцать секунд, сдохнешь! Мне терять нечего... а так, может быть, еще поживешь. Счет пошел... Раз... два...

Спокойствие и металлические интонации, с которыми была произнесена последняя фраза, заставили Феокистова поверить, что так оно и будет, и он ответил:

– Кодовое слово – «Волга».

– Вот так-то лучше.

Удавка на горле ослабла, давая возможность задышать полной грудью. Феокистов почувствовал, как прелый теплый комнатный воздух прошел через гортань в легкие.

Хрипатый поднял телефонную трубку и, умело подражая его голосу, произнес:

– «Волга». Вернулся я тут. Нашлись кое-какие дела. – Дождавшись короткого ответа, положил трубку на рычаг и распорядился: – Завяжи ему ноги.

– Понял, – отозвался второй звонким голосом и, болезненно пнув Феокистова в бедро, зло потребовал: – Ноги вместе!

Тот послушно сомкнул колени с лодыжками, и тотчас кто-то захлестнул их упругим кожаным ремешком.

– Вот так и лежи!

– Послушайте, я не знаю, что вам здесь нужно, но вам лучше уйти, – заговорил Потап Викторович. – Вы меня с кем-то спутали... У меня связи не только в полиции, но и среди весьма уважаемых людей, контролирующих этот бизнес.

– Заткни ему пасть, – ленивым голосом отозвался хрипатый, стоявший где-то в середине коридора.

Его неторопливые равнодушные шаги глушила ковровая дорожка, но Феокистов и так знал, что тот переходит от одной картины к другой и в данную минуту остановился перед полотном Якоба Йорданса «Обнаженная Сусанна». Несмотря на довольно простой замысел: стоя перед зеркалом, девушка расчесывает длинные золотистые волосы, не замечая алчного взгляда старца, наблюдающего за ней из-за занавески, такая картина кого угодно могла ввести в искушение.

– Я вам хорошо заплачу, только не трогайте полотна.

В следующую секунду край мешка приподнялся, и Потап Викторович увидел прямо перед собой крепкую волосатую руку с какой-то пахучей тряпкой. Он попробовал отвернуться, но неизвестный, рассекая костяшками пальцев губы, втолкнул тряпку глубоко в рот, закрепил ее на затылке скотчем и удовлетворенно проговорил:

– Вот теперь полный порядок.

Феокистов слышал, как грабители по-хозяйски расхаживали по квартире и высказывали одобрение по поводу развешанных картин. Судя по голосам, их было трое.

Неожиданно в дверь негромко постучали.

– Это он! Но на всякий случай спроси... – раздался голос хрипатого.

– Кто там? – поинтересовался звонкоголосый.

Из-за двери бодро прозвучал приглушенный голос:

– Свои. Открывай!

Дверь открылась, в комнату вошел четвертый. Шаг у него был легкий, быстрый.

– Удачно все прошло? – сочным баритоном спросил он.

– Все как по маслу!

– Он живой?

– Живой. А как на улице?

– Там тоже все в порядке. Действуем так... Возьмем вот это. Потом это...

– Понял, – охотно отозвался хрипатый. – Здесь все это есть, мы уже посмотрели. – Феокистов услышал характерный шорох фотографий.

– Быстро все собираем и уходим, – сказал четвертый. По голосу с командными интонациями, по неторопливому шагу чувствовалось, что в преступной команде он был главным.

– Сколько здесь добра! На миллионы, – восторженно протянул хрипатый.

– Думай о том, сколько за это «бабла» можно слупить.

– Вот и я о том же... Вот ведь как бобру не повезло, всю жизнь собирал, а «бабло» другие срубят.

Налетчики стучали рамами картин, громко распахивали витрины со старинным оружием, открывали шкафы с фаянсовым фарфором, складывали раритеты в сумки.

– Смотри, какая вещь! Сунь в пододеяльник, чтобы не помять...

Потап Викторович понимал, что грабители пришли в квартиру не вслепую, действовали со знанием дела, забирая из его коллекции наиболее значимые предметы и картины.

– Никак Тициан! – донесся высокий голос из дальнего конца коридора. – Такое только в музее можно увидеть.

– Ты специалист, что ли?

– Так написано же, что Тициан!

В соседней комнате раздался звук разбитого стекла, затем недовольный голос четвертого:

– Таковую вещь расколотил, растяпа! Она тысяч за сто могла уйти.

– Да тут этого добра не пересчитать!

– С каких это пор ты стал ста тысячами баксов разбрасываться?!

Внутри Феоктистова болезненно сжалось: в соседней комнате стояли вазы с изображением зверей и драконов из династии Мин. Даже по самым скромным подсчетам каждая из них стоит не менее трехсот тысяч долларов. А та, что с драконом, так и вовсе тянет на полмиллиона! Вот окаянная судьба: пережить десятки войн, наблюдать падение целых династий, просуществовать сотни лет, чтобы, оказавшись в руках грабителя, быть разбитой.

– Даже не знаю, как и произошло, – повiniлся звонкоголосый, – сама как-то из рук выскользнула. Дракона начал рассматривать, повернул, а она и выскользнула.

Феоктистов болезненно застонал. Сволочи, что же они делают! Стиснув зубы, он попытался растянуть путы, но они крепко держали запястья.

– Смотри, как зашевелился, – прозвучал густой баритон. – Успокой его, чтобы не дергался, а то работать не даст.

– Это мигом, – отреагировал хрипатый.

Неподалеку шаркнул стул. Потап Викторович услышал приближающиеся шаги. Тяжелые. Опасные. А уже в следующую секунду ощутил сильнейший удар по голове. Сознание померкло...

Очнулся он оттого, что громко хлопнула входная дверь. Затем раздался звук удаляющегося лифта, а потом на него бетонной плитой навалилась тишина, казавшаяся настолько тяжелой, что не хватало сил ни крикнуть, ни пошевелиться. Единственное, что он мог себе позволить, – это продрать глаза, и первое, что увидел, – красный цвет, заливший мешковину. Потребовалось некоторое время, чтобы осознать – это его кровь. Кожу на лице неприятно стягивало. Веревка крепко въелась в кожу, принося страдание. Казалось, миновала вечность, прежде чем удалось ослабить на запястьях путы и вытащить руки. Развязав голени, он стянул с головы мешок, протопал к старинному трюмо, стоявшему в прихожей, и увидел свое отражение в зеркале – на него смотрел немолодой измученный человек с разбитым лицом, постаревший за последние несколько часов на десяток лет.

Оттерев с лица сукровицу, Потап Викторович вернулся в комнату. Стены квартиры, прежде увешанные полотнами Рубенса, Тициана, ван Дейка, теперь показались ему безобразными. Квартира выглядела оскверненной, уничтоженной. Куда ни взглянешь, наталкиваешься на злодеяние преступных рук. Дело всей жизни было растоптано, поругано, а сам Феоктистов ощущал себя раздавленным. После такого удара обычно не поднимаются...

Он прошел в зал, где висели главные картины его коллекции – фламандская живопись позднего Возрождения. Прежде Потап Викторович никогда не обращал внимания на обои в комнате, но теперь вдруг с удивлением отметил, что они какого-то легкомысленного светло-

розового цвета. Спотыкаясь о вещи, разбросанные на полу, прошел в другую комнату, еще несколько часов назад радовавшую его развешанными полотнами Лукаса Кранаха Старшего. Теперь на их месте торчали грубо тесанные колышки. Он заметил даже отклеившиеся обои, которые удачно закрывала картина Дюрера.

В кабинете, где хранились китайские вазы, валялись осколки фарфора, разлетевшиеся по всему полу. Большая их часть была растоптана, как если бы это был не фарфор с тысячелетней историей, а обычный пляжный ракушечник. Битый фарфор неприятно скрипел под подошвами, доставляя тем самым еще большие страдания. Подле громоздкого двухсотлетнего книжного шкафа, по заверению искусствоведов, стоявшего в спальнях покоях последнего государя, Потап Викторович разглядел большой осколок фарфора и нагнулся, чтобы поднять его. На нем сохранился фрагмент цельной композиции – голова оскаленного дракона. Будто бы отрубленная... Где-то среди других осколков покоилось его тело, растертое в фарфоровую пыль обувью грабителей. Глаза у дракона были ярко-красными и какими-то особенно рассерженными.

Феоктистов бережно положил фарфоровый кусок на стол, где обычно справа стояло старинное бронзовое пресс-папье в виде льва, принадлежавшее прежде Петру Столыпину, а слева – прибор с чернильницей и подсвечниками. Теперь не было ни того, ни другого. В своем кабинете за письменным столом, в окружении шкафов, заполненных антикварными вещами – от милых фаянсовых фигурок до фарфоровых ваз, – он чувствовал себя невероятно комфортно и счастливо. И вот сейчас, перешагнув порог кабинета, он вдруг ясно осознал, что более никогда не вернется к прежнему состоянию.

Потап Викторович рукой потянулся к телефону, стоявшему в центре стола, и поспешно набрал номер.

Андрей Васильевич нервно посмотрел на часы – Феоктистов опаздывал уже на сорок минут. Он пытался дозвониться до него, но абонент молчал. Пунктуальный, аккуратный, по заверению тех, кто его близко знал, Потап Викторович был точен даже в мелочах. А ведь это не просто интервью, а в какой-то степени встреча, которая может определить его деятельность на ближайшие три года. В последнем телефонном разговоре Толочков кратко намекнул Феоктистову о том, что имеется возможность достойно представить его коллекцию за рубежом. В папке на его столе уже лежал разработанный проект, оставалось только согласовать его в Министерстве культуры.

После интервью с Феоктистовым у него была запланирована еще одна встреча с чиновником из Департамента искусства: из Франции и Англии на днях со своими экспонатами должны были прибыть в столицу сразу четыре национальных музея, и журнал получал серьезный заказ на освещение готовящихся мероприятий. Следовало махнуть рукой на срывающееся интервью, собственно, как и на самого Феоктистова, и спешить в министерство, но Толочков, предчувствуя неладное, решил дождаться сообщений.

Прозвеневший звонок вывел его из задумчивости.

– Слушаю, – поднял он трубку.

– Это Андрей Васильевич? – раздался в трубке сдавленный голос, показавшийся ему знакомым.

– Да, он самый. С кем я разговариваю?

– Это... Это Феоктистов беспокоит...

– Потап Викторович, ну, наконец-то! – воскликнул Толочков. – А то я весь испереживался. Мы вас ждем, ждем, а вас все нет. Что-то у вас голос не совсем... Уж не приболели ли? А то...

– Не приболел, со мной кое-что произошло, – перебил его Феоктистов все тем же сдавленным голосом. – Мою квартиру ограбили.

– Что?! – невольно выдохнул Андрей Викторович, переложив трубку из взмокшей ладони в другую руку. – Что вы такое говорите?!

– Да, это так... Вынесли всю мою коллекцию: полотна, фарфор, иконы, фаянсовые статуэтки, старинное оружие... Все! Все то, что я собирал долгие годы и чем гордился. Даже не знаю, как сумею пережить эту потерю...

– Как же это могло произойти? – ошарашенно спросил Толокнов.

– Очень просто... Как это обычно делается... Шарахнули по башке чем-то тяжелым, когда я выходил из комнаты, а потом просто втащили вовнутрь... Связали, чтобы я особенно не бузил, потом еще добавили, да так, что я сознание потерял. Вот только что очнулся.

– Голубчик вы мой, даже не знаю, что вам и сказать. С вами-то все в порядке?

– Думаю, что есть сотрясение мозга. Рассечения на затылке, на лице... Но это ерунда! Я лишился всего! Что мне теперь делать?

– Вы звонили в полицию?

– Пока еще нет. Я позвонил сразу вам.

– Нужно немедленно вызывать полицию. Немедленно!

– Вы уверены? – уныло протянул Феоктистов. – Боюсь, что это не самая хорошая идея.

– Потап Викторович, вы ли это говорите? Может, у вас помутнение рассудка? Вас ограбили, унесли всю коллекцию, а вы говорите о том, что это не самая хорошая идея. Ведь ее же надо искать! И чем быстрее полиция займется поисками, тем лучше!

– Все не так просто... тут... совсем другое... дело, – со сбившимся дыханием произнес Феоктистов. Было понятно, что говорит он с трудом. Неожиданно пауза затянулась, в какой-то момент Толокнов даже перепугался, что не услышит продолжения, но уже в следующую секунду Феоктистов снова заговорил: – Дело в том... что... некоторые картины... приобретены не совсем законно. Разумеется, я их не воровал, но ко мне могут возникнуть вопросы. Скажем так, я купил их неофициально.

– Это не повод, чтобы переживать, вы должны наказать преступников за ограбление и вернуть все, что у вас забрали! Если вы не позвоните в полицию, тогда это сделаю я!

– Пожалуй, вы правы. Звоните, – согласился Феоктистов. – Мне трудно это сделать. И очень жаль... что наша встреча не состоялась. Но не по моей вине.

Толокнов хотел ответить нечто ободряющее, но в трубке уже зазвучали короткие гудки.

– Черт знает что! – невольно выругался он и быстро набрал номер полиции: – Это полиция?

– Да, мы вас слушаем.

– Произошло ограбление...

– Называйте адрес.

– Улица Печорского, четырнадцать. Ограблен очень известный коллекционер, Феоктистов Потап Викторович...

Глава 3

Один волосок, или Важная улика

Следователь Следственного комитета майор юстиции Хабаков Арсений Юрьевич уже десять лет служил в четвертом отделе (иначе, в отделе искусств), занимавшемся раскрытием краж произведений искусства, к чему ощущал настоящее призвание. Если одни его коллеги хотели работать в убийном отделе, другие были склонны к оперативному розыску, третьи мечтали быть внедренными в преступную среду и вести двойную игру, чувствуя вкус романтики в том, чтобы ходить буквально по лезвию ножа, то Хабаков всегда хотел работать с произведениями искусства. Возможно, что его выбор во многом предопределила наследственность: отец и мать посвятили себя истории – оба работали преподавателями на историческом факультете университета и очень надеялись, что сын продолжит семейную традицию.

Собственно, поначалу так оно и складывалось: Арсений поступил в университет на исторический факультет и вскоре всерьез увлекся греческой античностью. Учебную практику он проходил на побережье Крыма, где отличился тем, что сумел отыскать пару золотых монет Боспорского царства. По собранному материалу великолепно защитил диплом, и далее была прямая дорога в аспирантуру, так что в своем выборе он не сомневался. Все планы поменялись в одночасье, когда едва ли не у самого дома его ограбили трое подвыпивших мужчин. Банальнейший случай, каковых только в одной Москве случается в день не один десяток! Просто приставили нож к горлу и тихим голосом, от которого застыла в жилах кровь, потребовали наличность и портфель. Заглянув в протянутый кошелек, посетовали на скромную наличность и, забрав впридачу новый кожаный портфель, спокойно удалились. Его даже не обозвали, не ударили, но состояние было такое, будто окатили с ног до головы помоями.

Именно с этой минуты в сознании Арсения что-то переменялось, и он неожиданно для себя уяснил, что у него иное предназначение – ловить преступников. Возможно, после ограбления в нем проснулась кровь его прадеда, известного сыщика, работавшего под началом знаменитого начальника Московской сыскальной полиции Аркадия Францевича Кошко. И уже на следующий день Арсений отнес документы не в аспирантуру, как предполагалось поначалу, а в уголовный розыск. Удивительно, но со стороны родителей сопротивления не последовало, лишь отец, глубоко вздохнув, произнес:

– Служи... Главное, чтобы тебе нравилось. Нашего прадеда там помнят... В музее ему посвящен отдельный стенд.

Историческое образование было востребовано сполна.

Уже в ближайший год Арсений сумел раскрыть нехитрую схему, по которой фальшивые картины выдавались за утраченные шедевры. В это прибыльное дело были вовлечены сотрудники музеев и эксперты. На него обратили внимание в следственном управлении и пригласили работать в отдел, занимавшийся произведениями искусства. Уже через несколько лет Арсений Хабаков имел впечатляющий послужной список и пару громких дел по краже раритетов из столичных музеев, всколыхнувших дерзостью исполнения всю российскую общественность.

И вот сейчас ему предлагали новое дело...

День начинался как обычно: проснулся, умылся, побрился. Что там еще?.. Сделал с пяток запланированных звонков и парочку необязательных. Посмотрел на Полину, свернувшуюся калачиком на своей половине кровати. При всех своих положительных качествах она имела одно отрицательное – по утрам никогда не провожала его на работу. А ведь так иногда хочется, чтобы любимая женщина сварила чашечку кофе!

О том, что день задастся непростой, Арсений Хабаков понял, когда уже подходил к управлению. Сработало какое-то предчувствие. И поди тут разберись, что за причина натолкнула

на тревожащие ощущения: то ли гранитный фасад, омытый недавним дождем и смотревшийся в эту минуту как-то по-озорному, то ли солнце, тускло пробивавшееся через серую дымку облаков, но что день будет особенным, он осознал сразу, как только взялся за бронзовую ручку тяжелой двери. Очевидно, это и называется интуицией. Еще ничего не произошло, и, на первый взгляд, вроде бы все как обычно, но где-то в подкорке головного мозга уже закладывалась мысль о предстоящем важном событии. А когда он увидел секретаря шефа, выходящую из кабинета, старшего лейтенанта Варвару Ступилину, предчувствие достигло своего максимума, как будто бы в макушку шандарахнула молния. А ведь во внешности девушки не было ничего устрашающего, скорее, как раз наоборот: добра, мила, приветлива, с белозубой улыбкой. А еще до невероятности хрупкая, тоненькая, как хворостинка. Самыми запоминающимися в ее внешности были глаза цвета вызревшей вишни и темно-каштановая копна волос. Стрельнув задорным взглядом в подошедшего майора, она произнесла:

– Вас хотел видеть Семен Иванович. Это срочно, – и пошла дальше по коридору, накручивая бедрами упругие восьмерки.

– Что, попал под раздачу? – спросил шедший навстречу капитан Беликов.

– Только самую малость, – ответил Арсений.

– Варя у нас сегодня не в настроении, так что будь поосторожнее... – усмехнулся капитан.

Так уж было заведено, что в управлении у начальников отделов секретарями работали молодые мужчины, а в отделе убийств и вовсе был пятидесятилетний прапорщик, проработавший под прикрытием лет двадцать, вот только у полковника Семена Ивановича Приходько служила двадцатичетырехлетняя старший лейтенант с красивым именем Варвара.

Однажды на откровенный вопрос генерала, почему он взял в помощники старшего лейтенанта юстиции Варечку Ступилину, полковник вполне серьезно ответил:

– Возглавляю отдел искусств, а значит, имею полное право на то, чтобы меня окружали не только красивые полотна, но и симпатичные люди.

Негромко постучав, Хабаков прошел в кабинет шефа.

– Разрешите...

Приходько сидел за большим полированным столом, правый угол которого был заставлен кипами толстых белых папок, из-под которых неряшливо торчали исписанные листки бумаги. Мощный, с толстой шеей борца, он, угрюмым взглядом впившись в стол, что-то увлеченно записывал на листке бумаги.

– Присаживайся, – великодушно предложил полковник и, отложив в сторону ручку, продолжил: – Час назад ограбили коллекционера, займешься этим делом.

Майор Хабаков не сумел сдержать досады: губы невольно сжались, обозначив упрямую линию. Он не без основания считался в отделе одним из лучших специалистов по произведениям искусства, и ему поручали распутывать самые запутанные и сложные дела. За десять лет службы он накопил колоссальный розыскной опыт, сформировал широкую агентурную сеть (в том числе среди коллекционеров, собирающих произведения искусства), немало его информаторов было и в среде антикваров. Были у майора осведомители и в преступной среде. Так что об ограблениях он нередко знал даже раньше, чем об этом появлялась официальная информация.

Приходилось заниматься кражами в крупных государственных музеях. Например, весьма непросто проходило расследование кражи двух картин фламандской школы из Пушкинского музея. Вором оказался музейный сторож... В прошлом году пришлось изрядно поломать голову, когда прямо с выставки были похищены две картины Марка Шагала. Как впоследствии выяснилось, полотна украли рабочие, монтировавшие витрину. А чего стоит подмена подлинников в Эрмитаже?! Там и вовсе работала целая преступная цепочка. Последнее дело было раскрыто буквально по горячим следам, чем Хабаков укрепил свой авторитет как лучшего сыскаря отдела.

Вот только заниматься кражами из частных коллекций до сегодняшнего дня ему не поручали. Обычно такие дела ведут стажеры да начинающие следователи.

Заметив недовольную физиономию майора, Приходько лишь хмыкнул:

– Ты тут давай мне не дуйся, не на свидании... Думаешь, это не твой уровень? Так вот, здесь я тебя хочу разуверить, ограблен сам Феоктистов! Надеюсь, слышал о таком?

Не знать Феоктистова – это все равно что не слышать о Микеланджело, занимаясь живописью. Потап Викторович Феоктистов считался одним из авторитетнейших коллекционеров. В какой-то степени он был легендой. У него имелась не просто коллекция, а огромный музей, запрятанный в просторной четырехкомнатной квартире.

– Конечно же слышал. Неужели его ограбили? – с сомнением спросил Хабаков. – У него ведь в доме серьезная сигнализация. А потом, уровень коллекции...

– Ты думаешь, я тебя разыгрываю? – хмыкнул полковник.

– Ну...

– По-твоему, мне заняться больше нечем?

– Как-то неожиданно, что ли, товарищ полковник, – пожал плечами майор. Дело стоило того, чтобы им заняться.

– Жизнь вообще штука непредсказуемая, – вздохнул Приходько, – а в сыском деле особенно... Знаешь, какова стоимость его коллекции?

– Могу только догадываться.

– Около ста миллионов долларов. И это по оценкам западных экспертов.

– Немало, – сдержанно произнес Арсений.

– Это ты верно заметил. Немало... Но в действительности она стоит еще больше.

– Возможно.

– И кого, по-твоему, я должен к нему отправить? Какого-нибудь стажера?.. Так, что ли? – строго посмотрел на подчиненного полковник. Хабаков благоразумно промолчал. – Вот то-то и оно! Этот Феоктистов – весьма уважаемый человек, имеет связи на Западе среди коллекционеров, известен в кругу авторитетных экспертов. Его знают в торговых домах, на аукционах. Пропавшие картины занесены во многие европейские каталоги. И потом, министру уже звонили, – многозначительно поднял глаза кверху Приходько. – Это он отдал мне распоряжение, чтобы я в кратчайшие сроки нашел похитителей и вернул все раритеты хозяину. Так что кроме тебя заняться этим делом как будто бы и некому.

– А как быть с другими моими делами? – вспомнил Хабаков про кражу миниатюр в Музее западного искусства. За последнюю неделю он допросил десятка два свидетелей, но дело так и не сдвинулось с места. Как к нему подступиться, он пока не представлял.

– Прежних дел с тебя никто не снимал. Так что на одно дело у тебя теперь будет больше. А теперь выезжай по адресу.

На квартиру Потапа Феоктистова майор Хабаков приехал уже через сорок минут. Первое, что он увидел, когда открылась дверь, так это унылое лицо хозяина. Голова перевязана, в глазах – невысказанная тоска. Впечатление он производил удручающее: выглядел так, словно узнал о страшном недуге и намеревался в ближайшие сутки подвести черту под всеми земными делами.

– Я – следователь Следственного комитета Хабаков, – припустив в голос сочувствия, представился Арсений. – Можно пройти?

Феоктистов едва взглянул в раскрытое удостоверение и, распахнув дверь пошире, тихо отозвался:

– Пожалуйста.

Арсений прошел в просторный коридор, в самом углу которого устроилась вешалка в виде растопыренной пальмы. На полках, выстроившись в два ряда, стояли какие-то милые безделушки из темно-синего фарфора и цветного тонкого стекла. Дальше зал: большой, про-

сторный, с большим количеством света и с французским балкончиком, выходящим на центральную улицу. На стенах вразнобой висело несколько картин, судя по потемневшим краскам – старинных. Пустые места с торчащими из штукатурки колышками указывали на то, что здесь тоже висели полотна. Множество застекленных шкафов, за которыми царил хаос из того немногого, что еще оставалось, – скульптуры, стеклянные фигурки людей и животных, две расколотые миниатюры.

Заглянули в другие комнаты, столь же просторные: при должной сноровке в помещениях можно было заняться велотреком, а уж развесить на стенах с полсотни картин, так и вовсе пустяк! Даже в ограбленном состоянии квартира смотрелась невероятно богато, кража как будто бы не уменьшила достаток, а лишь только соскрестила позолоту. По углам выпирали громоздкие шкафы и секретеры прошлых исторических эпох, создавая в некоторых местах ощущение тесноты и неуюта.

Видно, так и должно выглядеть логово настоящего коллекционера: несуразно заставленное старинной мебелью, где перемешались все эпохи последнего тысячелетия, с нагромождением старых вещей и прочими предметами быта. Но картины, развешанные на стенах, находились в безукоризненном порядке. Было заметно, что подобраны они были не по золоченым узорчатым рамам, а по художественной школе и мастерству исполнения.

Собственно, Потап Феоктистов был из тех самых классических интеллигентов, которых более всего интересовало дело (его надлежало держать в безукоризненном порядке), а остальное, не имевшее отношения к собирательству, служило всего лишь некоторым гумусом и оттого содержалось в пакетах, в неказистых мешках, было бестолково разбросано по полу, а то и просто спрятано за шкафами и занавесками.

– И что вы на это скажете? – спросил Потап Викторович, посмотрев на майора помутневшим взглядом.

– Вижу, что вы человек осторожный. Как так получилось, что грабители сумели проникнуть в квартиру?

– А тут особой хитрости и не требуется, – печально вздохнул Феоктистов и принялся за невеселый рассказ: – Когда я вышел из квартиры, прямо на меня шагнул какой-то громила. Я его даже толком рассмотреть не успел. Помню только, что на нем были какие-то спортивные штаны, а за ним другой... Сначала в лицо меня ударили, а потом шарахнули чем-то тяжелым по голове и, затащив обратно в квартиру, стали избивать. Помню, что сознание как-то помутнилось. Потом мешок на голову напялили, едва не задушили. Так что рассказывать особенно нечего.

– Значит, их было двое?

– В квартиру сразу зашли трое. Третьего я не заметил, но по голосу отличил от других...

А потом уже четвертый подошел.

– С чего вы решили?

– Я слышал, как они ему дверь открывали.

– Какие у них были голоса, можете вспомнить?

– У одного голос был прокуренный, хриловатый, у другого низкий, у третьего звонкий.

А у четвертого какой-то очень неторопливый и начальственный. Обычно такой голос принадлежит людям, которые привыкли, что их слушаются.

– Значит, вы их не сумели разглядеть?

– Не сумел.

Выглядел Феоктистов подавленно. Под глазами проступили отеки, на щеке выделялась огромная багровая ссадина. Голос усталый, порой едва шелестящий, казалось, что слова давались ему с трудом, а в интонациях сквозило раздражение.

– А что было потом?

– То же самое, – отмахнулся Феоктистов. – Понял, что меня грабят, попытался развязаться, так мне еще добавили. Едва в себя пришел, голова до сих пор трещит. – Посмотрев на стену с пустыми местами из-под картин, продолжил тоскливо: – Вот здесь висела гордость моей коллекции – фламандцы, а теперь только потертые обои.

– Значит, они знали, что брать?

– Знали... Шли по наводке. Взяли только самые дорогие картины и предметы. Миниатюры, скульптуры... Иконы забрали... Хотя мелочь тоже пропала... Думаю, что они захватили ее из жадности. Просто попадалась под руки. Некоторые из прихваченных стоили недорого.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Сложный вопрос, – не сразу отозвался Феоктистов. – Даже и не знаю, кого следует подозревать. Не хочу сказать, что я мил всем и что у меня нет завистников или каких-то недоброжелателей... Так не бывает, когда занимаешься какими-то серьезными вещами. Обязательно найдутся люди, которые тебе позавидуют. Немало коллег бывало у меня в квартире... Конечно, мой дом – не проходной двор, но, когда собираешь коллекцию, часто приходится вести дело с людьми, которые тебе не очень симпатичны. Они ходили по комнатам, осматривали картины, я с ними вел какие-то переговоры, составлял договоры, заключал сделки...

– Кого вы имеете в виду?

– Например, экспертов, посредников. За долгие годы таких людей в моей квартире побывало предостаточно. К тому же моя коллекция широко известна, ко мне приезжают специалисты из Англии, Франции, недавно были из Голландии. Мои картины и предметы старины фотографируют, вносят их в каталоги. Я активно участвую во всевозможных выставках по стране, выступаю с лекциями за рубежом. Так что мое местожительство известно очень многим людям.

– Значит, вы конкретно никого не подозреваете?

– Увы, ничего не могу сказать по этому вопросу. У меня есть узкий круг людей, с которыми я очень плотно общаюсь, но эти люди вряд ли причастны к ограблению.

– А как вы думаете, сколько времени преступники пробыли в вашей квартире?

– Думаю, что где-то часа два, может, около того... Я очнулся через полтора часа, а их уже не было.

– Вы где-то работаете?

– Я возглавляю фонд «Возрождение», – ответил Феоктистов после некоторой паузы.

– А чем занимается ваш фонд?

– Проблемами российского искусства. Мы организовываем различные мероприятия, устраиваем выставки, проводим встречи с художниками, писателями... Активно участвуем в различных семинарах с деятелями искусства. Если говорить откровенно, то дел хватает.

– Весьма интересная работа. А за счет каких средств существует ваш фонд?

– Вы глубоко копаете, – с некоторым недовольством посмотрел Феоктистов на майора, – еще немного, и я окажусь в числе подозреваемых. Ну, скажите, какой мне резон организовывать кражу собственных картин?

– Вы преувеличиваете, я так не думаю, – слегка улыбнулся Хабаков, – но мы должны работать по всем направлениям. По своему опыту могу сказать, что преступником может оказаться самый неожиданный человек. Часто он находится рядом, а увидеть его бывает невозможно.

– Ну что ж, если это нужно для дела... В основном фонд составляют частные пожертвования состоятельных граждан. Многие пересылают деньги из-за рубежа на поддержание моей коллекции, на реставрацию полотен, ремонт рам (а некоторые из них очень старинные), на приобретение новых картин. Как говорится, поводов для финансирования хватает... Перечисляют деньги и различные некоммерческие организации, есть даже два международных фонда и два банка, один находится в Англии, а другой в Испании. Оба банка занимаются поддержкой частных коллекций.

Из распахнутого шкафа торчали какие-то бумаги, исписанные черными чернилами. Внимательно всмотревшись, Арсений увидел, что написаны они на немецком языке и готическим старинным шрифтом. Бумага выглядела какой-то особенной, такую в обычном магазине не приобретешь. Семнадцатый век, не позже. Поверх небрежно сложенных рукописей стоял небольшой фаянсовый чайник, расписанный красными фиалками. Не удержавшись, Хабаков взял его в руки.

– Осторожнее, – произнес Потап Викторович, – это фаянс Гребенщикова. Посуде без малого триста лет.

– Понимаю, – ответил майор, ставя чайник на прежнее место. – А что у вас еще пропало?

– Честно говоря, я даже не оценил в полной мере масштаб ущерба. Но могу сказать совершенно точно, что пропали две старинные иконы, одной пятьсот лет, а другая еще старше... Украдены работы русских мастеров – Шагала, Кандинского. У меня была очень хорошая коллекция старинного оружия: ружья, пистолеты... Их просто так не извлечешь, они лежали в сундуках, под замком. Крышки на сундуках проломили, а оружие унесли. Некоторые из ружей были просто уникальны. – Глаза Феоктистова яростно вспыхнули. – Например, в моей коллекции было ружье, которое принадлежало императору Павлу Первому. Приклад этого ружья был сделан из двадцати двух ценнейших пород дерева! Металлические части инкрустированы золотом. Вы представляете его ценность?! И не только в денежном эквиваленте...

– Мне даже трудно представить.

– Пропали еще и антикварные ювелирные изделия...

– Что именно?

– Трудно сказать с ходу, но я вам составлю полный перечень всего пропавшего.

– Это сильно облегчило бы нашу работу, – согласился Хабаков.

– Могу назвать наиболее значимые вещи. Это бриллиантовое кольцо работы Антония Ратека, парные серебряные браслеты Карла Фаберже, изумрудный кулон Андриенно Филиппа, сапфировая диадема Михаила Перхина. – Феоктистов махнул рукой и в сердцах добавил: – Любая пропавшая вещь по-своему уникальна!

– Когда вы сумеете составить полный список?

– Списки у меня есть, просто нужно будет кое-что уточнить. Добавить обновленные фотографии. Знаете, я сейчас скверно себя чувствую, и не только морально, но и физически... У меня очень болит голова.

– Советую вам обратиться к врачу.

– Я так и сделаю... А когда восстановлюсь, через день-другой, тогда и представлю вам полный перечень.

В дверь позвонили.

– Вы кого-нибудь ждете? – поинтересовался майор.

– Кто сейчас может появиться в моем доме? – отмахнулся Феоктистов. – Разве только те, кто хочет посмотреть на разграбление и позлорадствовать над моим горем? Ведь я даже жене еще не сообщил о случившемся!

– Позвольте, я сам открою.

– Ради бога!

Хабаков подошел к двери и, сбросив цепочку, глянул в щель. На пороге стоял эксперт-криминалист майор Липеровский, из-за плеча которого выглядывал его помощник, техник-криминалист Лосев Геннадий. Эту несуразную и неразлучную пару, как на службе, так и в быту, майор Хабаков знал по прошлым делам. Обычно их привлекали именно к делам, требующим особой дотошности, усидчивости, и, надо признать, что они всецело оправдывали ожидания начальства. Если руководство направило их на это ограбление, значит, ставило его в приоритетные и придавало ему особый статус.

– Так ты пропустишь, – усмехнулся Липеровский, – или так и будешь держать за дверь?

– Проходи, – широко распахнул дверь Арсений. Время играло против него, он был один из первых, кому было сообщено об ограблении. Пройдет каких-нибудь полчаса, и в четырехкомнатной квартире будет не протолкнуться от нахлынувшего начальства. Дело обещало быть резонансным.

Оба эксперта выглядели, как отражения в кривом зеркале. Липеровский был долговязым, сухим, как прошлогодний лист, немного сутулым. Его же напарник, напротив, – низкорослый, с большим животом, напоминал бочонок пива. Руки полные, ноги короткие, шагал с отдышкой и не спеша, словно только что выбрался из-за стола и опасался расплескать содержимое. Полные красные щеки смотрелись наливными яблоками, а кожа на подбородке, собравшись в три добродушные складки, неряшливо спадала на воротник. Внешне он напоминал добродушного шарпея и располагал к себе всякого собеседника с первой же минуты.

– И что тут? – на правах старшего спросил Липеровский, по-деловому осматривая стены квартиры.

– Ограбление... Вытащили дорогие картины, ценные вещи... Попробуй чего-нибудь отыскать, – отозвался Хабаков. – Я тут осмотрел немного, действовали чисто, явно профессионалы.

– На то мы и эксперты, чтобы отыскать следы, – негромко объявил майор, положив сумку на стол. Внутри нее что-то подозрительно звякнуло. Не зная о том, что в сумке пузырьки с жидкостью и прочей атрибутикой непростого экспертного ремесла, можно было предположить, что в ней находится бутылка недопитого вина со стаканом. Заметив улыбку, тронувшую тонкие губы Арсения, эксперт-криминалист расценил ее по-своему: – Все свое ношу с собой.

Лосев, обвешанный тремя фотоаппаратами, аккуратно переступал через предметы, разбросанные на полу. Взяв широкофокусный фотоаппарат, болтавшийся на упругом животе, сделал по нескольким снимкам коридора и комнат.

– Ничего не трогали, все так и было? – обратился он к Феоктистову, продолжавшему уныло посматривать на разоренные стены.

– Да, так и было.

Майор Липеровский уже всецело освоился в чужой квартире и заботливо собирал с пола брошенные окурки, складывая их в пластиковые пакетики.

– Осторожнее, не наступи сюда, – показал Липеровский на след от обуви, отчетливо отпечатавшийся на плотном ворсе ковра.

– Как нарисованный, – согласился довольный Лосев, подбирая нужную позицию для очередного снимка. – Красивый... Так и хочется сфотографировать и на стену повесить. – Слегка присев, выбрал правильный угол, и фотовспышка, ударившая по глазам, запечатлела отпечаток. – Накануне дождь прошел, так что нам это только на руку. В комнате я еще заметил пару следов, но уже от другой обуви.

– Сколько, вы говорите, человек было? – повернулся Липеровский к Феоктистову.

– Думаю, что четверо.

– По следам так оно и есть.

– Лиц-то я их не рассмотрел, видел только ноги. Одеты были в какие-то спортивные костюмы.

– Во-во, – охотно поддакнул Лосев, – вижу, протектора слишком уж красивые, такие могут быть только у спортивной обуви. Вон еще один отпечаток... – показал он в сторону распахнутого шкафа, где отчетливо обозначились два следа сорок четвертого размера. – Одно можно сказать твердо, это была явно не девочка. Во всяком случае, женщины с таким размером ноги встречаются не часто.

– А вот это уже не кроссовки, – указал Липеровский на след в конце коридора. – Отпечаток тоже свежий. Смотри, какой каблук аккуратный. Обувь дорогая, человек явно не бедный, вот только по одному следу установить, что это за обувь, невозможно.

Прошли на кухню, больше напоминающую столовую, где в самом центре стоял огромный стол из мореного дуба, тоже, видно, пришедший в эту квартиру из каких-то глубинных веков. Арсений поймал себя на мысли, что совершенно не удивился бы, если вдруг хозяин квартиры стал бы рассказывать историю о том, что за этим столом потчевал самодержец Иван Грозный.

На столе, гладко выструганном, имелись небольшие отметинки от тяжелых угловатых приборов. Кто знает, может, от кубков и братин. В центре стояла медная пепельница в виде лебедя, сложившего крылья, а в ней покоились четыре примятых окурка.

– Потап Викторович, – обратился майор к хозяину, – а вы курите?

– Нет, – ответил Феоктистов. – И уже давно... Мать когда-то выдрала меня за такое баловство, с тех самых пор и не курю.

– Может, гости ваши курят или жена?

– Жена не курит, это я вам точно могу сказать. Да и другим я тоже не разрешаю. Это может сказаться на внешнем облике картины, в комнате должен быть свой микроклимат, и я стараюсь его поддерживать.

– Понятно...

Что же такое получается: пришли грабители, выкурили полпачки сигарет, а окурки аккуратно сложили в пепельницу, чтобы не сорить? Интеллигентный, однако, народец!

– Что ты об этом скажешь? – спросил Хабаков у Липеровского.

Тот аккуратно поднял один из окурков, внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Курил мужчина, это точно!

– Губной помады, что ли, нет? – хмыкнул Арсений.

– И это в том числе. Видишь, зубами прижал. За женщинами такой особенности не наблюдается, и потом, женщины не курят до фильтра, затянутся разок-другой, скурят до середины и бросают в мусорный бачок. – Достав из сумки очередной надписанный мешочек, эксперт бережно положил в него окурочек. – Посмотрим на ДНК, может быть, это что-то даст. База данных у нас солидная, поэтому хочется верить, что они от нас никуда не денутся. Ага, курили с двух разных пачек, – поднял он очередной окурочек. – Даже надпись прочитывается... Это у нас будет «Кэмел». Вот эти будут «Мальборо». А третий грабитель, выходит, был некурящий. А это что еще за бутылка? – показал он взглядом в угол кухни, где стояла пустая бутылка из-под «Столичной». – Вы пьете водку?

– Не буду утверждать, что абсолютный трезвенник... – неопределенно пожал плечами Феоктистов. – Бывает, по праздникам вина, например, могу красного выпить. Коньяк какой-нибудь качественный, виски... А вот к водке душа не лежит. Но держу ее для гостей.

– Значит, это ваша водка.

– Моя.

– Что же это такое получается? – невольно скривился Арсений. – Пришли в квартиру преступники, обокрали подчистую, снимали со стен картины, вытащили все ювелирные изделия, а потом, уже никуда не торопясь, покурили тихонько на кухне и распили на троих бутылку «водяры». Так сказать, решили отметить завершение рабочего дня.

– Очень похоже на правду, – согласился Лосев. – А вы бы заглянули в холодильник, может, преступники еще и вашу колбасу съели? Вдруг на ней отпечатки зубов остались или еще что-нибудь?

– Вы правы, тут колбаса была сырокопченая, – открыв холодильник, произнес Потап Викторович, – а теперь ее нет... Еще банка соленых огурцов, жена позавчера закатала... Ее тоже нет.

– Они что, банку соленых огурцов с собой, что ли, забрали?

– Почему бы и нет? Сначала взяли по одному огурцу, закусили под водочку, а потом самый хозяйственный забрал с собой все остальное. Например, жену угостить, – съязвил Хабаков. – В нашем деле и не такое случается. Помню, однажды одного домушника брали. Вскрыл

он металлическую дверь с тремя серьезными замками, потом просверлил бронированный сейф, сложил в сумку все самое ценное и уже собирался уходить, а тут возьми и загляни в холодильник. А там борщ стоит. Он его подогрел, налил себе в тарелочку, понравилось... Еще добавки стал наворачивать... Вот мы его за этой добавкой и застали. А потом спрашиваем, не жалеешь, что сразу не ушел? А он говорит, что за такой борщ несколько лет жизни не жалко на «киче» провести. Единственное, о чем он пожалел, что мы добавку не позволили до конца доесть.

– Гурман... Такие тоже встречаются. Без таких ценителей в этой жизни было бы скучновато, – усмехнулся Липеровский, затем осторожно поднял бутылку, держа ее кончиками пальцев за самое дно и горлышко, и, всмотревшись, объявил: – Никаких отпечатков не вижу. Профи работали, отпечатки стерли.

– Но нужно все равно отдать на экспертизу, вдруг что-нибудь проявится, – заметил Арсений.

– Это обязательно... У вас и вашей супруги придется взять отпечатки пальцев, – обратился эксперт к хозяину.

– Конечно, все, что нужно, – отозвался Феоктистов.

– К вам никто не приходил в последние два дня?

– Были близкие друзья. Знаете, мы играем в лото, а бывает, картишки разложим... Мы дружим уже не один десяток лет, я не думаю, что эти люди причастны к ограблению. Честно говоря, даже мысли такой не допускаю.

– Нужно будет взять отпечатки пальцев и у них.

– Да, конечно, я им сообщу.

– А это что еще такое? – воодушевился Липеровский. – Никак волос прилип к бутылке. Бутылочку-то они протерли очень тщательно, а вот волосок не заметили. Оно и к лучшему, проверим, кому он может принадлежать. Ерофеич, – окликнул он напарника, – готовь еще один пакетик.

– Будет сделано.

– Кто же это нам попался? – внимательно всмотрелся в волос эксперт. – Шатен или блондин?.. Просто так не скажешь. Ладно, по экспертизе выясним.

Глава 4

Преступный синдикат, или Кто следующий?

Квартиру Феоктистова Хабаков покинул только через три часа, когда были опрошены соседи. Однако никто из них не видел мужчин в спортивных костюмах, спускавшихся с большими хозяйственными сумками или держащих скрученные холсты. Чужих машин во дворе тоже не было. День протекал обыкновенно, как и всякий другой. Дом огромный, с большим количеством людей, а потому на посторонних, спускавшихся с поклажей, никто не обратил внимания. Впрочем, одна из соседок заприметила молодого парня с сумками, направлявшегося в соседний двор. Но позже выяснилось, что это был отвергнутый сожитель одной молодой женщины, проживавшей этажом ниже.

На запланированное совещание у полковника Приходько Арсений заявился не в самом удачном расположении духа. Кроме него были приглашены еще оперативники из уголовного розыска, в том числе майор Золотницкий, которого Хабаков хорошо знал. Присутствовали еще двое мужчин в элегантных костюмах, но их Хабаков видел впервые.

– Кажется, все в сборе, – обвел взглядом собравшихся Приходько. – Хочу вам сказать, что это дело взято на контроль Федеральной службой безопасности, – показал он на мужчину в костюме стального цвета. – Знакомьтесь... подполковник Старцев Дмитрий Евгеньевич и его помощник, капитан Алексей Дубов... А это майор Хабаков и майор Золотницкий из уголовного розыска. Теперь мы будем работать в плотном контакте. Сами понимаете, такую коллекцию, какой располагал Феоктистов, вряд ли возможно продать в России. Скорее всего, преступники попытаются переправить ее за границу, где им могут предложить более серьезные деньги, а потому без содействия Федеральной службы безопасности нам просто не обойтись. Но группу поручено возглавить мне... Сегодня здесь присутствуют наши товарищи из уголовного розыска, без которых тоже трудно будет работать. Они имеют свои оперативные источники, свою сеть информаторов, какие-то серьезные наработки среди коллекционеров, так что их помощь будет весьма кстати. А теперь давайте начнем с результатов по экспертизе. О чем вы можете доложить?

Открыв папку, Арсений пододвинул к себе листок и заговорил:

– Материала пока немного, он находится в работе... Мы рассчитываем на результаты в самые ближайшие часы... Имеются хорошие отпечатки трех пар спортивной обуви, две – сорок четвертого размера, а одна – сорок третьего...

– Надо признать, слабое утешение... – заметил полковник. – По ним особенно ничего не скажешь. Более конкретное что-нибудь есть?

– Еще одна пара обуви, туфли, – невозмутимо продолжал майор. – Следует предположить, что грабителей было четверо. Они натоптали всюду, практически во всех комнатах. Найдена пустая бутылка из-под водки, на ней оставлен волос. Установлено, что волос принадлежит кому-то из посторонних. Мы надеемся, что это грабитель.

– Что же получается, преступники выпили и ушли? – усмехнулся полковник.

– Получается, что так.

– Веселый народ, значит, ограбили и решили тут же отметить удачный улов, – откликнулся подполковник Старцев. – Ну-ну... что там дальше?

– В пепельнице обнаружено несколько окурков. Предположительно, они также принадлежат преступникам. Таких образцов ДНК в базе данных не существует. Думаю, что эти результаты могут нам пригодиться, когда появятся реальные подозреваемые. Но сейчас ни отпечатков пальцев, ни каких-то улик, что помогли бы ускорить раскрытие преступления, у нас нет.

– Та-ак... Работа предстоит очень непростая, – поигрывая длинным карандашом, вновь заговорил полковник Приходько. – С большой долей вероятности можно предположить, что преступники захотят продать коллекцию на Западе за большие деньги. В нашей стране сделать такое невозможно, коллекция Феоктистова здесь широко известна... Информацию о продаже или приобретении каких-то вещей утаить будет сложно. Не исключено, что часть ценностей уже перекочевала за рубеж. Может быть, даже дипломатической почтой. Следовательно, нам понадобится помощь наших коллег из ФСБ. Они попробуют отследить часть похищенного на Западе. Разумеется, под контроль поставлены все сухопутные и морские контрабандные переходы. На таможни уже отосланы списки похищенных ценностей и снимки пропавших вещей. Ну а вам, Захар Михайлович, – посмотрел полковник на майора Золотницкого, – предстоит обрабатывать жилой сектор. Не бывает так, чтобы никто и ничего не видел, обязательно должна быть какая-то зацепочка.

– Сделаем, Семен Иванович, – охотно кивнул майор.

– Нужно самым тщательнейшим образом опросить всех жильцов подъезда, где проживает коллекционер. И еще... подключите к делу всех коллекционеров и искусствоведов. Может быть, они что-то знают об украденной коллекции или хотя бы что-то слышали. Мир искусства весьма тесен, эти люди постоянно пересекаются между собой. Поставьте также под контроль все антикварные магазины, может, там выплывет что-нибудь из пропавших вещей.

– В этом направлении уже работаем, – с готовностью отозвался Золотницкий.

– У тебя еще что-то есть? – посмотрел полковник на Хабакова.

– Пока ничего, – после некоторой паузы ответил Арсений.

– Будем считать, что наша первая объединенная планерка состоялась. Думаю, что в таком составе наша группа даст, в конце концов, положительный результат.

На каждого из своих агентов Хабаков Арсений составлял подробнейшее досье, где отмечал слабые и сильные стороны характера, красным карандашом выделял личные пристрастия, увлечения, в отдельную строчку записывал родственные связи и знакомства. В общем, фиксировал все то, что могло бы пригодиться в предстоящем расследовании.

Некоторым из агентов он платил, другим, наиболее честолюбивым, позволял продвигаться по карьерной лестнице, третьим – обещал улучшение жилищных условий, четвертым – подыскивал приличную работу и помогал выпутаться из сложных жизненных ситуаций. Только единицы служили за идею – им нравилась двойная игра, позволявшая получать адреналин, которого не найти в обычной жизни. Майор знал, что от полученной информации зависит не только поручаемое дело, но и собственная карьера, а потому подбирал агентов особенно тщательно: умных, способных анализировать.

И чем больше было агентов, тем выше шанс раскрыть уголовное преступление в кратчайшие сроки. Со многими агентами у него установились дружеские отношения. Хабаков не считал зазорным поздравить некоторых из них с днем рождения, посидеть с ними после рабочего дня за бутылкой вина, а то и просто съездить по-приятельски куда-нибудь на шашлыки. Агент должен чувствовать, что в нем нуждаются, что он ценен. Среди информаторов были и профессиональные налетчики, интересующиеся живописью, для которых коллекционирование картин являлось чем-то вроде отдушины, и скупщики краденого – весьма недоверчивые и подозрительные личности, опасющиеся потерять серьезную клиентуру. Тут важно найти для каждого индивидуальный ключик: к одному проявить участие, другого откровенно напугать, третьего погладить по голове. А уж если кто-то начинает говорить, так его лучше не останавливать – пусть себе исповедует! Так что должность духовника он тоже брал на себя.

Среди серьезных коллекционеров у Арсения Хабакова также были свои источники. И первым номером среди них считался Виктор Афанасьевич Полуян – коллекционер с двадцатилетним стажем. Его собрание началось с иконы «Богоматерь Одигитрия», которую ему

подарила прабабка. Когда он показал икону экспертам, то выяснилась ошеломляющая правда: она принадлежала Псковской иконописной школе и числилась в списках.

С той поры Полуян всерьез подсел на древнерусское искусство и большую часть времени проводил в разъездах, выискивая нечто стоящее. Впоследствии ему не однажды улыбалась удача, он отыскивал то, что могло стать украшением любой коллекции, но ни одна из его находок даже близко не могла по значимости сравниться с иконой «Богоматерь Одигитрия».

Виктор Полуян был одержим, впрочем, как и всякий коллекционер, и за возможность заполучить нечто стоящее готов был отправиться на другой конец страны. При общении с ним все разговоры непременно сводились к коллекции: как заполучить в свое распоряжение интересную вещь, оказавшуюся на рынке, или обменять значимую икону на нечто более ценное.

Обычно они встречались где-нибудь в кафе, а то и в ресторане, что весьма походило на дружескую встречу старинных приятелей, где можно обсудить насущные вопросы и, ударившись в ностальгию, повспоминать эпизоды их десятилетнего сотрудничества. Виктор Полуян вообще был сентиментальным человеком, склонным к разного рода слюнтяйствам. После особенно дружеских посиделок он мог расчувствоваться и, в качестве особого расположения, пригласить к себе, чтобы похвастаться новым приобретением.

В этот раз за неимением времени майор Хабаков предложил встретиться недалеко от управления в небольшом парке, расположенном на самом краю главной дороги. Удивительно, но большую часть времени парк оставался совершенно безлюдным. Лишь по утрам он выглядел Меккой всех физкультурников, проживавших поблизости. Нацепив наушники, они легкой трусцой нарезали круги по асфальтированным дорожкам. В иное время по тропинкам парка прогуливались собачники, с умилением наблюдающие, как любимые питомцы обильно орошают причесанную зелень.

Оставив машину на обочине, Арсений направился к лавочке, на которой они зачастую проводили беседы. Ждать пришлось недолго. Минут через пять подошел Полуян. Аккуратно причесанный, с ухоженной русой бородкой и волооким взглядом, он походил на канонический образ.

Арсений крепко пожал протянутую ладонь и посмотрел прямо в его грустные глаза. Пусть знает, что за время их последней встречи отношения между ними не претерпели изменений.

– Когда мы последний раз виделись? – спросил он, вытащив из кармана распечатанную пачку сигарет.

– Тридцать семь дней назад, – уверенно ответил Полуян, вытягивая сигарету.

– Откуда такая точность? – улыбнулся майор.

– В этот день у моей подруги был день рождения. Я сначала встретился с тобой, а потом уже к ней пошел.

– Как-то незаметно время пробежало...

– Верно. Так что там тебя интересует? – по-деловому спросил Полуян.

– Самая малость... Мне бы хотелось узнать, кто именно ограбил Феоктистова.

– Ничего себе, малость, – невольно хмыкнул Полуян. – В таком случае я совершенно не представляю, а что тогда много. За подобное любопытство могут и голову оторвать. А она у меня одна... Я не Змей Горыныч.

– Может, что-то слышал краешком уха?

– Могу сказать так... Если обокрали такого человека, как Феоктистов, остальные для них и вовсе мусор! Можно только догадываться, какие крупные силы за ними стояли. Ведь в нашем бизнесе не все так просто. Это со стороны может показаться, что мы какие-то чудачки и тратим огромные деньги на то, чтобы купить какую-то старинную доску или кусок полотна, а за каждым коллекционером стоят очень серьезные люди. Без этого никак нельзя... Нужным людям мы всегда отстегиваем, чтобы они не обижались, но уж если понадобится их помощь, так уж будьте добры, уважьте и отработайте хлебушек! Все поле поделено, и никто на чужую грядку

не лезет, иначе просто без башки можно остаться... Конечно, бывает, пощипывают нашего брата, но как-то все по мелочи. Чаще всего этим занимаются залетные.

– Все коллекционеры знают правила игры?

– Те, кто недавно взялся за коллекционирование, правил игры могут не знать, думают, что любую краденую картину можно купить и на стену повесить. Даже понятия не имеют, что это уже чужая доля, и сначала нужно разрешения спросить, иначе можно кому-то дорогу перейти. Ведь картина через многие руки проходит: это те же самые коллекционеры, директора музеев, эксперты, – принялся загибать пальцы Полуян. – Заказал кому-то картину «забрать» и подставил целую цепочку авторитетных людей. Отсюда конфликты, непонимание... А тут – сам Феоктистов! С его-то связями! Ведь он не белый и пушистый, как может показаться. Он на зоне такую школу прошел, что будь здоров! На его месте люди ломались, а он выжил. Обид тоже не прощает... Нужно быть совсем безбашенным, чтобы на такую величину замахнуться. Вот я как-то икону одну из Болгарии привез. Оформил, как положено, документы, а ее не пропускают. Национальное достояние, говорят. Уже хотел ее в Болгарии оставлять, а тут мне посоветовали к одному цыганскому барону обратиться. Обратился. И что ты думаешь? Дальше уже все без проволочек пошло, на таможне дали «зеленый свет». Более того скажу, в мой багаж даже ни разу не заглянули!

– К чему ты это говоришь?

– К тому, что вряд ли кто из доморощенных грабителей посмел бы его хату вскрыть. Тут, видно, пришел заказ откуда-то из-за границы, где им наши понятия не указ. Кто-то в Париже или в Лондоне увидел в каталоге картины Феоктистова и сказал: «Хочу именно такие!» Денег у него немерено, он обратился в международный преступный синдикат, вот ему и организовали доставку. Наняли людей, кого надо – купили, кого не нужно – грохнули... А этот толстосум сейчас любит краденными полотнами где-нибудь на своей вилле, сидя у пылающего камина. Его не интересует, кто такой Феоктистов, потому что у него возможностей поболее.

– Наглядно рисуешь, – усмехнулся Хабаков.

– Рисую, как есть. У них везде свои люди, в органах власти, на границе... Если кому надо глотку заткнуть, они это в два счета сделают.

– Так ты поспрашиваешь? – с надеждой спросил Арсений.

– Есть у меня один человек, который может быть в курсе. Он мне кое-чем обязан, попробую расспросить у него. – Полуян строго посмотрел на майора и добавил: – Не о Феоктистове забочусь, о себе. У меня такое чувство, что после Феоктистова остальных тоже будут потрошить, на что я категорически не согласен, поэтому должен быть в курсе. – Он посмотрел на часы: – Если у тебя ко мне больше ничего нет, так я пойду.

– А что такое?

Угрюмое лицо Виктора Полуяна осветилось широкой, почти счастливой улыбкой.

– Нашел интересный триптих шестнадцатого века, надеюсь, что очень скоро он будет моим.

Глядя на помолодевшее лицо Полуяна, Хабаков тоже невольно улыбнулся. Собственно, чтобы сделать человека счастливым, нужно совсем немного: достаточно потратить полсотни тысяч баксов за безделицу, чтобы потом поставить ее куда-нибудь в угол комнаты пылиться.

Международный синдикат? Хм, вполне похоже на правду. Этот Полуян знает, о чем говорит.

Глава 5

Неизвестный хромой, или Кто украл вазу

Редко получается, чтобы дело раскрывалось в считанные часы. Такие случаи называются «раскрытие по горячим следам». Но это не всегда означает, что для их раскрытия были предприняты колоссальные усилия оперативных органов. Нередко бывает как раз наоборот: выйти на след преступника помогает какой-нибудь благоприятный случай. Например, задержал пешехода за переход в неположенном месте, и вдруг при осмотре у него в кармане обнаруживаешь ствол, из которого было совершено с пяток заказных убийств. При этом преступник не «уходит в несознанку», а во всем сознается, как если бы половину жизни дожидался встречи с полицией. Подробно рассказывает, как готовился к совершению злодеяний, как их осуществил. И преступление, которое еще вчера выглядело с перспективой на откровенный «висяк», вдруг раскрывается в течение часа.

Нынешнее дело Захар Золотницкий считал из разряда труднораскрываемых. Это стало понятно с первой же минуты, как только он переступил порог квартиры Феоктистова: преступники практически не оставили следов своего пребывания, и эксперты не зафиксировали даже отпечатка пальца. В любом уголовном деле имелась еще масса профессиональных штришков, отделяющих важное преступление от простого. Например, значительное количество сил, брошенных на его раскрытие. Сейчас был тот самый случай, но пока что все уходило в ноль!

Бывает, бьешься вокруг сложного дела, копаешься, а, как выясняется, выдаешь на-гора всего-то пустую породу. Взять хотя бы сегодняшний день: опрошены были все жильцы подъезда, но, будто бы сговорившись, никто из них не видел ни мужчин с сумками, ни посторонней машины. Всюду Золотницкого встречали кислотоватые физиономии жильцов, не желающих проявлять гражданский долг по поимке преступников.

Ну, что тут поделаешь? Не идет дело, хоть ты тресни! Захар Золотницкий был убежден, что точно такая же незадача преследует майора Хабакова из Следственного управления и подполковника Старцева из ФСБ. Если уж не везет, так всем сразу!

Опросив жильцов подъезда, в котором произошло преступление, Золотницкий направился в другой, где опросы были столь же безуспешными. Создавалось впечатление, что в момент ограбления все жильцы одновременно ослепли и оглохли.

Возвращаясь к машине, Захар увидел, как в соседнем доме с первого этажа угловой квартиры его внимательно разглядывает подросток лет шестнадцати. Странное дело, когда он проходил мимо этого дома, паренек сидел точно в таком же положении и внимательно разглядывал его своими пронзительными глазами. Но ведь время учебное, он должен находиться в школе или сидеть за уроками, а этот поглядывал через окно, словно ему нечем больше заняться. Подростки в его возрасте полны энергии, жизни, максимум, сколько они могут выдержать на одном месте, так это пятнадцать минут, а паренек торчит у окна уже не меньше трех часов. Интересно, что это могло бы значить?

– Вы из этого дома? – подошел Золотницкий к женщине, которая сидела на лавке, поглядывая на него.

– Вы меня уже спрашивали, – виновато ответила она. – Ничего не видела, я ведь в это время на работе была.

– Извините, подзабыл... А вы случайно не знаете, что это за юноша в окно посматривает?

– А-а, это Феденька, ноги у него от рождения совсем не ходят.

– А с кем он живет?

– Живет с матушкой, вот только сейчас она куда-то вышла.

– Пойду поговорю с парнем, – заторопился Золотницкий.

Быстро вошел в подъезд и уверенно позвонил в дверь на первом этаже. Ждать пришлось недолго. Уже через минуту послышался звук открываемого замка, а затем дверь широко распахнулась.

На пороге предстал золотокудрый мальчуган лет шестнадцати, сидевший в коляске. В глазах его не было ни отчаяния, ни уныния, чем обычно сопровождается физическое увечье, а какое-то даже залихватское озорство. И от своих шаловливых ровесников паренек отличался лишь черной коляской, которая выглядела на его ногах неподъемными веригами.

– А чего ты вдруг сразу так открыл? – удивился Захар. – Мало ли кто может прийти? Надо было бы сначала спросить.

– А я вас видел, когда вы в подъезд входили, – ответил тот, подкупающе улыбнувшись. – Вокруг ведь больше никого не было.

– Ты за всеми так наблюдаешь?

– За всеми. У меня времени много.

– Я – майор Золотницкий, – показал Захар удостоверение. – А тебя зовут Федор?

– Да.

– Пройти можно?

– Вы ведь из уголовного розыска? – спросил задорным тоном мальчик.

– А как ты догадался?

– Я видел, как вы с соседями разговаривали. Потом переходили из одного подъезда в другой. Проходите. – Федор отъехал немного в сторону. Действовал он проворно, уверенно перебирая руками черные большие колеса.

– А ты наблюдательный, – прошел майор в аккуратную чистенькую комнату. – Все время так у окна сидишь?

– Когда делать нечего. Интересно наблюдать за людьми. А вы проходите сюда. – Федор въехал в просторный зал, пол которого был покрыт огромным ковром. По углам стояли две большие пальмы, заглядывавшие широкими листьями в окна. У противоположного стола продавленный диван, на котором, собравшись в клубок, спал пушистый рыжий кот.

– А три дня назад ты тоже сидел у окна?

– Это когда коллекционера ограбили?

– Верно. Только откуда ты про коллекционера знаешь?

– Так ведь все знают, – удивленно ответил Федор. – А еще я в Интернете прочитал.

– Так ты был у окна?

– В это время я уроки делал... Тоже у самого окна.

– Вот даже как, – невольно подался вперед майор. Целый день искал нужного свидетеля, а он, оказывается, совсем рядом находился. – И что же ты видел?

– Видел, как машина подъехала. Микроавтобус светлый. Вот только марку его не рассмотрел. Далековато все-таки. Но вроде бы какая-то японская марка. Сначала из машины вышли трое мужчин в спортивных костюмах. А минут через десять и водитель. Только он никуда не ходил, все время во дворе был.

– Ты запомнил, как они выглядели? – слегка волнуясь, спросил Золотницкий.

– Не очень, – слегка поморщился Федор. – У них бейсболки на голове были, они лица прятали. Помню только, что один небольшого роста и ходил как-то вразвалочку. Так обычно моряки ходят. А другой – на голову выше его, но худой какой-то. Потом из машины еще один вышел, мне показалось, что он постарше и хромал немного.

– Может, ты заметил в их внешности что-то особенное? Какие-нибудь шрамы на лице или ожоги? Мало ли чего бывает.

– Далековато было, – повторил Федор, – отсюда трудно рассмотреть.

– И что же было потом?

– Ничего особенного. Они сложили вещи у машины, а потом быстро загрузились и уехали.

– А много было тюков?

– Может, шесть, может, немного больше. Когда они выходили, так этими тюками просто обвешаны были. А вот хромой в сумках нес что-то хрупкое. Может, вазу какую-то... или еще что-то бьющееся. Это я сразу понял. Шел он осторожно, но не потому, что боялся споткнуться, а чтобы не расколотить.

– А что за сумки были?

– Простые такие. Спортивные. Большие. В них можно много чего положить.

– Понятно.

– Я вам помог? – с надеждой спросил Федя.

– Очень помог! – Золотницкий вытащил визитку и протянул ему: – Вот что, Федя, если что-нибудь вспомнишь, позвони вот по этому телефону.

– Обязательно позвоню, – кивнул паренек и бережно положил визитку в карман.

Глава 6

Не узнал, богатым будете, или Я вам соболезную

Лечение заняло десять дней. Спрятанный от внешнего мира за стенами больницы и отгороженный толпой сестричек и врачей, Феоктистов постоянно был на связи с майором Хабаковым, рассчитывая, что дело хоть как-то продвинется. Но майор неизменно отвечал:

– Ищем!

Первое время, оперевшись взглядом в потолок, Потап Викторович пытался отстраниться от обрушившихся на него проблем, а когда понял, что из этого ничего не получается, ускоренно завершил лечение и покинул больницу.

Протопав сто метров, он сунул руку в карман и вытащил из него небольшой кусочек черной материи, сложенный вчетверо. Еще недавно он верил в его магическую силу, считая, что тот приносит ему удачу. «Подвел, не уберег от беды», – с горечью подумал Феоктистов и без сожаления швырнул провинившийся талисман в темный зев урны.

Вот теперь все должно пойти по-другому.

Дома его встретила Надежда – участливая, мягкая. Она буквально растопила его душевную боль, окружила мужа заботой и старалась предугадать малейшее его желание. В какой-то момент Потап Викторович даже поймал себя на том, что чашка хорошо заваренного кофе, поданная руками любимой женушки, его интересует куда больше, чем сокровища, накопленные за тридцать лет жизни. Он даже научился равнодушно посматривать на публикации, посвященные ограблению его квартиры (а их набралось в последнее время предостаточно), и спокойно отнесся к передаче о его коллекции, где эксперт Эрмитажа взволнованно и очень эмоционально рассказывал о пропавших полотнах.

Выключил телевизор и лег спать. Вот только уснуть ему в эту ночь так и не удалось. Прозвевший в полночь звонок принес в израненную душу тревожное смятение.

– Потап? – услышал Феоктистов взволнованный голос.

– Он самый. Кто это?

– Это тебя Петр Лопухин-Татищев беспокоит, – продолжал все тот же взволнованный голос.

– Слушаю тебя, Петр.

– Даже не представляю, как ты все это пережил. Не знаю, чем тебя утешить. Это надо же такому случиться!

Первая мысль, посетившая Феоктистова, – шарахнуть тяжеленную трубку о край мраморного стола, чтобы она разлетелась на кусочки. Но уже в следующую секунду он решил не горячиться: антикварная утварь к его душевному состоянию отношения не имеет, так что следует держать себя в руках.

– Успокаивать не нужно... Я уже как-то адаптировался к своему нынешнему положению... Надеюсь, что коллекция все-таки будет найдена. Поисками очень активно занимается полиция.

В ответ раздался громкий хохот, показавшийся Феоктистову в какой-то момент оскорбительным.

– Потап! – отсмеявшись, произнес Петр. – Ты всерьез в это веришь? Полиция просто ничего делать не станет. Ее нужно заинтересовать. Не обижайся на меня, но даже английская полиция не оторвет задницу от стула, если им это не будет выгодно. Я уже не говорю о российской!

– И что ты предлагаешь? Самому заняться поисками коллекции, так, что ли?

– Именно это я и предлагаю. Пройдись по антикварным лавкам и лично убедись, что твоих вещей там нет.

Петра Лопухина-Татищева Феоктистов знал без малого десять лет. Он был такой же страстный коллекционер, как и он сам. Собственно, на этой почве они познакомились и плотно сошлись в последние годы.

В действительности настоящая фамилия Петра – Лопушков, но, войдя в совершеннолетие, он поменял ее на звучную Лопухин и теперь представлялся не иначе как отпрыском светлейшего князя, даже держался с соответствующим размахом. Вторая его фамилия была Татищев, доставшаяся от приемных родителей, проживавших в Великобритании.

Вот здесь сыграл свою роль счастливый случай...

Бездетные состарившиеся аристократы на склоне лет решили усыновить русского мальчика из России. Их выбор пал на голубоглазого сироту с дурной наследственностью – оба его родителя отбывали срок за мошенничество. Оформив в кратчайший срок документы, они увезли его в роскошный особняк в пригороде Лондона. Получив хорошее образование в Оксфорде, Лопушков не проработал и дня – к чему же напрягаться, когда покойные родители оставили богатое наследство с многочисленной недвижимостью по всему миру. В чем он действительно преуспел, так это в коллекционировании, так же, как и покойный приемный батюшка, Лопухин-Татищев всерьез интересовался фламандцами, превратив один из своих загородных замков в настоящий музей живописи. Но если приемный родитель, в силу природного аристократизма, собирал картины, чтобы соответствовать духу времени, и нередко являлся щедрым меценатом, то Петр, исходя из природной авантюрной наклонности, сумел сделать из картин хороший бизнес, преумножая и без того немалое состояние.

Вокруг Лопухина всегда вертелись какие-то темные личности, в том числе и весьма одаренные художники, в силу каких-то жизненных причин и творческих обстоятельств не сумевшие отыскать в искусстве свою нишу. Некоторые из них писали для него копии известных картин, которые Петр с успехом выдавал за подлинники. Он придумывал картинам шикарные легенды со многими действующими лицами, чтобы выгодно продать состряпанный «новодел» заезжему богачу. Пользуясь особым расположением аукционного дома «Сотбис», Лопухин-Татищев выставлял в нем «новоделы» и картины, в недалеком прошлом украденные из частных коллекций. Правда, об этой темной стороне его биографии знали далеко не все...

Самое разумное в нынешнем положении Феоктистова – держаться от Петра подальше (не тот случай, чтобы получить в его лице опору), однако в мире искусства, буквально граничащем с откровенным криминалом, он имел немало приятелей и мог что-то знать об ограблении.

– Возможно, ты и прав... Знаешь, некоторое время я был нездоров...

– Немудрено, после всего того, что ты пережил, – охотно согласился Лопухин-Татищев. – Я бы, наверное, вообще копыта откинул!

– Так вот, как только восстановлюсь, пройду по всем антикварным магазинам. Петр, у меня к тебе тоже есть одна просьба...

– Говори, что тебя беспокоит, – с живостью отозвался Лопухин-Татищев, – сделаю все, что в моих силах.

– Может, попробуешь узнать о коллекции по своим источникам? Она не могла пропасть бесследно! Сам понимаешь, наш мир очень узкий, мы все друг друга знаем. В Великобритании тоже наслышаны о моей коллекции, она напечатана во всех каталогах. Следы могут привести туда... Я же тебе говорил, мне не однажды предлагали выставить картины на аукционе «Сотбис» за хорошие деньги.

– Лучше бы ты так и сделал, – глубоко вздохнул Петр.

– Теперь я это понимаю.

– Хорошо, я поспрашиваю. У меня есть в Англии кое-какие связи. Обещать, конечно, что-то конкретное в подобной ситуации трудно, но буду держать тебя в курсе.

Потап Викторович положил трубку. Облегчение не наступило, но он почувствовал, что часть груза переложил на другие плечи. Осталось только дожидаться полного выздоровления. Подумав, он набрал номер Хабакова.

– Арсений Юрьевич, это вас Феоктистов беспокоит.

– Да, слушаю вас, Потап Викторович.

– Какие-нибудь подвижки в моем деле намечаются?

– Мы работаем, но ничего конкретного пока нет.

– И как же вы так работаете, если еще ничего не нашли? – не скрывая раздражения, спросил Феоктистов. – Пропала такая огромная коллекция, а у вас даже зацепок нет!

На том конце провода образовалась затяжная пауза. Похоже, майор Хабаков очень тщательно обдумывал ответ.

– Вам рассказать всю методику оперативной работы? – наконец раздался его спокойный голос.

– Не надо, – невесело буркнул Феоктистов и положил трубку.

На следующий день Потап Викторович проснулся в хорошем настроении, хотя, если вдуматься, откуда ему было взяться: коллекцию украли, да и сам он находился далеко не в лучшей физической форме. Однако неоправданный оптимизм продолжал раздирать щеки в глуповатой улыбке и заставлял верить, что находишься где-то на переломном моменте, после которого все непременно образуется.

Выпив традиционную чашку кофе с небольшим бутербродом с сыром, Феоктистов отправился в ближайший антикварный магазин, расположенный на соседней улице. Хозяином этого магазина был его старинный приятель, которого он знал без малого лет двадцать. Пользуясь особой доверительностью, Феоктистов всегда покупал здесь нечто особо ценное: фарфоровую посуду, ордена царского времени, старинное оружие. А в прошлом месяце приобрел небольшую гравюру, которая, к его немалому удивлению, оказалась работой самого Дюрера.

В антикварном магазине было безлюдно – только у противоположного стеллажа со старинной медной посудой стоял седой мужичок (по всему виду, случайный прохожий) и уважительно качал головой, посматривая на цены.

Впрочем, отсутствие посетителей в антикварном магазине – дело обыденное. Это не за водкой! Сюда заходят люди степенные, знающие, что такое настоящее искусство; закаленные высокими ценами, готовые выложить за какую-нибудь безделицу, вышедшую из употребления лет двести тому назад, полмешка денег, и при этом будут необыкновенно счастливы. Случайный человек замечен сразу – не углубляясь в магазин, он брезгливо тарачится на старье, аккуратно расставленное на полках, и топает себе дальше, понимая, что ошибся дверью. А другие просто ходят, как по музею, заложив руки за спину.

За прилавком, поглядывая на единственного посетителя и угадывая в нем случайно забредшего, а потому совершенно бесперспективного, стоял хозяин магазина Лев Аркадьевич Берман. В глубине больших, чуть навывкате, глаз просматривалось едва заметное снисхождение – с первого взгляда он мог отличить профессионала от дилетанта. Но клиента важно не спугнуть, пусть даже такого нечаянного. Сам Берман мог привести немало примеров, когда незадачливый прохожий, повинувшись какому-то внутреннему зову души, выкладывал за понравившуюся вещь целое состояние. Причем удержать его от внезапно принятого решения не могли ни дырявый семейный бюджет, ни расширенные от ужаса глаза благоверной, ни толпа малолетних детей, шедших следом. Отдавая баснословную сумму за какую-то безделицу, он уходил из антикварного магазина со светящимся лицом, словно заполучил кусок персонального счастья.

Так что торопить вошедшего не следовало. Пусть осмотрится, приценится, авось, что-нибудь и выйдет.

Сделав несколько небольших шагов, Феоктистов заставил обратить на себя внимание.

– Потап Викторович! – обрадованно воскликнул Берман, выходя из-за прилавка и горячо пожимая протянутую руку. – Я очень рад, что с вами все в порядке. Тут много всякого говорили... о случившемся, но я этому не поверил. Люди всегда преувеличивают, потому что завидуют чужой удаче.

Смотреть на веселое лицо Бермана Феоктистову было отчего-то неприятно, хотя, конечно же, к его невзгодам тот не имел никакого отношения. Наоборот, он был одним из немногих людей, по-настоящему симпатичных коллекционеру.

Где-то под грудной клеткой защемило нерв, и лицо Потапа Викторовича, помимо его воли, болезненно дернулось.

– Увы, все это правда, – сказал он. – Меня действительно ограбили.

– Бог ты мой! – вполне искренне посочувствовал Берман.

– Не только ограбили, но еще и сильно избили. Знаете, я только вчера выписался из больницы.

Лев Аркадьевич понимающе покачал головой.

– Вы даже не представляете, как я вам соболезнаю. Ну а как вы себя сейчас чувствуете?

– Ничего, вполне терпимо... Сейчас уже значительно лучше.

– Мне неловко спрашивать, – заговорил со всей присущей ему деликатностью антиквар, – но что стало с фламандцами? У вас ведь лучшая коллекция в России.

– Фламандцев у меня больше нет, – глухо ответил Феоктистов, подавляя вздох. – Картины украли вместе с другими вещами... Вынесли все: Лукаса Кранаха Старшего, Яна Ясонн-сена, Андриано Ваностаде... Всех! Из русских мастеров – Шагала, Кандинского... Коллекцию старинного оружия...

– Вы даже не представляете, как я вам сопереживаю, – покачал головой Берман.

– Дело всей моей жизни...

– Да, да, я вас понимаю.

– В связи с этим у меня к вам есть одна небольшая просьба.

– Все, что угодно! Можете всецело располагать мной!

– Вы ведь знакомы с моей коллекцией?

– Разумеется! Но только отчасти... Ведь она у вас просто гигантская! Правда, масса великолепных вещей у меня до сих пор стоит перед глазами.

– Может, к вам попадали похожие вещи? Все-таки ваш магазин один из лучших.

– Вряд ли, Потап Викторович, я бы сразу это заметил. Хотя, конечно, могли быть какие-нибудь маленькие вещички, которым я не придал особого значения. Да вы проходите, сами посмотрите.

– Хорошо, вы очень любезны. Я тогда тут немного покопаюсь.

Висевший над дверью колокольчик весело тренькнул, и в магазин вошли еще трое посетителей. Судя по их капризным физиономиям, они требовали специального обхождения. Взгляды заинтересованно метнулись к витрине, подле которой стоял продавец и где, по обыкновению, демонстрировались самые значительные вещи.

Посетитель, пришедший раньше этой троицы, выбрал бронзовые канделябры и, торжественно неся их перед собой, с довольным видом двинулся к кассе. Расплатившись, чудаковатый покупатель отказался от обязательного пакета и, выставив канделябры перед собой, направился к двери.

– Вы приносите мне удачу, – понизив голос, произнес Берман. – Знаете, эти канделябры у меня три года пылятся в углу. Я уже думал, что никогда не сумею продать их за такую бешеную цену. Приходите как-нибудь ко мне, у меня есть хорошая бутылка итальянского марочного красного вина. Посидим с вами, выпьем за успешную продажу.

– Как-нибудь зайду, – улыбнувшись, пообещал Феоктистов. Затем вытащил пачку снимков и сказал: – На этих фотографиях то, что у меня было украдено. Возьмите... возможно, вам принесут нечто похожее.

– Хорошо, Потап Викторович, – ответил антиквар, бережно забирая снимки.

Домой Феоктистов вернулся в скверном настроении. А ведь какой-то час назад ему казалось, что все наладится. Жена, оторвавшись от плиты, на которой готовила его любимые пироги с капустой, теперь хлопотала рядом и пыталась отвлечь от дурных мыслей, но еще больше усугубляла расстроившееся настроение. Когда градус уныния начал зашкаливать, грозясь вырваться в откровенный скандал, жена, понимавшая Потапа с полуслова, удалилась, оставив его наедине со своими переживаниями.

Феоктистов уныло посмотрел на потолок, с удивлением отмечая на нем длинные тонкие трещины, подумал немного, снял трубку телефона и быстро набрал номер.

– Слушаю, – прозвучал равнодушный голос.

– Феликс, – стараясь придать голосу оптимистические нотки, произнес коллекционер, – это тебя Потап Викторович беспокоит.

– Знаешь, Потап, не узнал, – припустил в голос сочувствия старый приятель. – Хочется сказать, богатым будешь, да не тот случай... Это правда?

Феоктистов чуть не крикнул. Казалось, весь мир уже знает о его злоключениях.

– Правда все, до последнего слова. – Стараясь предупредить дальнейшие расспросы, он продолжил: – Феликс, ты ведь, как никто, знаком с моей коллекцией...

– Да, конечно, – несколько смущенно отозвался Феликс, – не однажды приезжал к тебе, и ты мне показывал каждую новинку, да и фотографии присылал.

– Сделай для меня вот что, посмотри у своих английских приятелей-коллекционеров, может, увидишь что-нибудь похожее. Может, где-то на выставках или на аукционах что-то объявится.

– На выставках и на аукционах посмотрю, – прозвучало после короткой паузы, – а с коллекционерами – сложный вопрос. Сам знаешь, это ведь другой мир, они все недоверчивые, подозрительные, к ним на хромой кобыле не подъедешь. Причину нужно подобрать. К тому же это не Россия, а Англия, здесь просто так в гости не ходят.

– Ты не переживай, – энергично отозвался Феоктистов, – меня хоть и ограбили, но я еще не бедный. Компенсирую все твои траты.

– Попробую помочь, но я бы посоветовал тебе самому приехать в Лондон, это будет правильнее. Если где и объявится твоя коллекция, так именно здесь.

– Билет куплю на ближайшие дни.

– Я тебя встречу.

– Не надо... Доберусь сам, – подумав, произнес Феоктистов.

– Буду рад нашей встрече.

Глава 7

Двадцать пять лет назад, или Вор Елисеич

– За что взяли, малец? – присел Елисеич на шконку, впившись в Потапа тяжеловатым немигающим взглядом.

Сняв рубашку, он аккуратно сложил ее и положил себе на колени. Все, что он делал, выглядело очень выверенным, красивым, движения у него были правильные, неторопливые, какие можно наблюдать только у факира, гипнотизирующего покачиванием флейты смертоносную кобру. И сам он своим гибким, тощим, потемневшим от старости телом напоминал диковинное пресмыкающееся. А его многочисленные наколки чем-то походили на узор, какой обычно бывает на капюшоне у змеи. От его правильной, спокойной речи веяло нешуточной опасностью.

Вместе с тем в нем присутствовала какая-то врожденная интеллигентность, разительно отличавшая его от остальных узников. Даже громила Никанор, шумный, громкоголосый, с длинными волосатыми ручищами, как у орангутанга, в его присутствии отчего-то невероятно робел, будто гимназист перед строгим учителем, делался незаметным и невыразительным.

Голос у Елисеича мягкий, с плавными интонациями, но подобный плазме, что расплавит любого, вставшего на пути. А потому каждый закоренелый сиделец предпочитал держаться от него подальше, с трудом представляя, какая чернота может прятаться в его узкой костлявой груди.

– Ни за что... Спутали меня с кем-то, – опустил глаза Потап.

– А здесь всех спутали, – усмехнулся новый знакомый. – Здесь преступников нет. Так что там случилось, малой?

– На базаре меня взяли, кошелек в кармане чужой нашли. Одна тетка на меня указала. Обыскали и кошелек нашли.

– А ты, стало быть, ни сном ни духом?

– Говорю же, не моя работа, – чуть повысил голос Потап.

– Покажи руки, – попросил старик.

Потап выставил вперед широкие ладони с короткими толстыми пальцами.

– Да-а, верно, такими ладонями только навоз разгребать, – согласился Елисеич. – Видно, скинул тебе кто-то «лопатник», а сам в тину ушел. Крайним тебя сделали. А теперь посмотри на мои ладони.

Потап Феоктистов невольно сглотнул. Все пальцы собеседника были изуродованы, на местах переломов оставались грубоватые утолщения костных мозолей. Но даже через это уродство просматривалось их былое природное изящество.

– Видел, какие пальцы? Были... – поучительно произнес старик. – Такими работничками только по рояли бацать! Какие чудеса я ими вытворял, пока мне их менты каблуками не переломали. Думал, что без моей рабочей профессии с голоду сдохну. Но ничего, выжил... Даже кое-что скопил на черный день. Ладно, дело прошлое... – махнул он рукой. – Где-то я им даже благодарен, что так все завершилось. Сейчас где-нибудь в толпе отирался бы да «терпил» с тугими карманами пощипывал. А с твоими «работничками» только «медведя» ломать. Вижу, что карманное ремесло – это не твое. А не помнишь, кто там рядом с тобой отирался?

– Где же их упоминишь? – искренне посетовал Потап.

– Наука тебе будет в следующий раз, башкой будешь крутить, как надо. И карманы свои проверять.

– Так что мне делать-то?

– Если еще раз к следаку потянут, отпирайся от всего, – уверенно посоветовал Елисеич. – Говори, что ничего не видел, ничего не знаешь. «Лопатник» подкинули. Может, и выкрутишься, а я со своей стороны тоже кое-кого умаслю. Может, дня через два и откинешься... Слушай, а ты случайно не детдомовский? – неожиданно поинтересовался он.

– Да, – ответил Потап.

– Значит, из наших... Детдом куда хуже тюрьмы, сам через него прошел. Хату на Курской ты подломил?

– Я, – признался Феоктистов.

– Хорошо сработал. Чисто... Далеко пойдешь.

– Откуда вы про хату знаете?

– Неважно, я много о чем знаю. У меня к тебе будет просьба... Да ты не напрягайся, – усмехнулся Елисеич.

– Что за просьба?

– К человеку одному нужно будет наведаться, сделаешь?

– Хорошо.

– Вот и славно, – с некоторым облегчением отозвался вор. – Поедешь на Николаевскую, три, назовешь свое имя. Тебя там встретят. Все понял?

– Да.

Согласившись, Феоктистов совершенно не подозревал, что крохотная просьба перекроит всю его жизнь.

Елисеич не обманул, в тот же день он отправил по «дороге» маляву. Прошитая неоднократно вдоль и поперек суровыми толстыми нитками, она выпорхнула из зарешеченного окна «хаты» свободным голубем и направилась вдоль кирпичной кладки в свой путь, избежав случайного прочтения, пока не отыскала предназначенного адресата. А еще через два дня двери камеры распахнулись, и надзиратель, с бледно-голубыми глазами и бесцветным голосом, распорядился:

– Феоктистов, на выход... С вещами.

Дальше и вовсе последовали протокольные формальности, в которых, как и было оговорено, Потап отрещивался от всего. И если бы у него в тот момент спросили бы: «Родился ли он на свет?» – даже эту истину он поставил бы под сомнение.

– Распишись, – наконец произнес начальник оперативной части, майор лет сорока пяти.

Потап аккуратно вывел в конце листка угловатую закорючку.

Майор, будто бы довольный сложившимся раскладом, аккуратно сложил листки в стопку и произнес:

– Все, теперь вы свободны!

В скорое освобождение отчего-то не верилось. Наверняка какая-нибудь иезуитская шутка: вот сейчас опер раздвинет губы в бестолковой улыбке и расхохочется над его глуповатой физиономией. Но лицо «кума» оставалось невозмутимым, как у древнеегипетского сфинкса. Даже бровь не дрогнула.

– Дежурный! – голосистыми раскатами сокрушил майор тесную комнату. И когда в помещение вошел краснощекий молодой сержант, весело распорядился: – Проводи его! Пусть вытряхивается.

Потопали в обратную дорогу по узким ярко освещенным коридорам, за которыми по обе стороны находились металлические двери, выкрашенные в черный цвет, откуда глуховато прорывались чьи-то возбужденные голоса, а из камеры, что размещалась поближе к выходу, нервно зазвучал мужской смех. Так радоваться может только сумасшедший. Скорее всего, так оно и было в действительности.

Последняя преграда – дверь, сваренная из профилей и толстых листов металла, – была преодолена, задрезбуждала позади оброненной жостью, и Феоктистов оказался на воле. Постоял

секунду, соображая, в какую сторону двигаться далее, а потом пошел прямо на липовый аромат, нещадно защекотавший ноздри. Оказывается, воля имеет массу запахов, о которых прежде он даже не подозревал.

Уже садясь в автобус, в прелой одежде, пропахнувшей тюрьмой, Потап запоздало подумал о том, что больше никогда не возьмет чужого кошелька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.